

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ

16+

БУДЕМ ЖИТЬ ПО-НОВОМУ!
ПОБЕДИТЕЛЬ. Книга 4

Александр Кириллов

Будем жить по-новому!
Победитель. Книга 4

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кириллов А. Л.

Будем жить по-новому! Победитель. Книга 4 / А. Л. Кириллов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99550-5

Александр Кольцов в рядах Красной армии участвует в разгроме гитлеровской Германии и её союзников, освобождая со своей бригадой в составе 3-го Украинского фронта такие страны Европы, как Румыния, Болгария, Югославия, Венгрия и Австрия. Удалось ему оказаться в числе тех, кто брал Берлин, а затем освобождал Прагу. Именно в эти дни герой встречает людей, которые внесут огромные изменения в его жизнь. Германия побеждена, но Кольцов снова в строю. Теперь путь его бригады лежит на Восток, на войну с императорской Японией.

ISBN 978-5-532-99550-5

© Кириллов А. Л., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Военными дорогами Румынии	5
Глава 2. Танковый чартер в Болгарию	18
Глава 3. Мы меняем власть	27
Глава 4. Балканский рубеж	35
Глава 5. Навстречу друг другу	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Кириллов

Будем жить по-новому!

Победитель. Книга 4

Глава 1. Военными дорогами Румынии

В советские войска была передана радиogramма о прекращении военных действий против румынской армии. Мы передали ее группе Лаврикова. К румынским укреплениям в сопровождении трех штурмовиков подошла Дана Ионеску, выступившая в роли парламентаря. После переговоров, с последующими запросами начальством гарнизона указаний из Бухареста, нас свободно пропустили дальше, и бригада двинулась на Бухарест. К вечеру мы были в Галаце, где встретили Лабанда с Саней Лавриковым.

Разгромленные немецкие войска отступали по расходящимся от Кишинева направлениям: часть немецких войск с боями пыталась уйти через Бухарест в Болгарию и Югославию, часть – в румынские и венгерские Карпаты.

Новое правительство объявило о выходе Румынии из войны на стороне Германии, принятии условий мира, предлагаемых союзниками, и потребовало от немецких войск в кратчайшие сроки покинуть территорию страны. Немецкое командование, выслушав все требования румын, с чувством глубокого удовлетворения отказалось выполнять это требование и предприняло попытку подавить восстание.

В Ставке Гитлера: «Гудериан, передайте срочно командующему группой армий «Южная Украина» Фриснеру арестовать короля и его камарилью. Сколько у нас войск в Румынии?»

– Мой фюрер, даже не считая остатков разгромленной 6-й армии, мы располагаем в Румынии 45-тысячным контингентом, правда, состоящим в основном из частей ПВО, из них около 25 тысяч человек расквартированы в нефтеносном районе Плоешти, то есть в непосредственной близости от Бухареста.

– Очень хорошо, Гейнц, приказываю генерал-лейтенанту Райнеру Штаэлю с полком парашютистов высадиться в Плоешти и, собрав местные силы, двинуться на Бухарест! Штаэль только что отличился решительностью в подавлении восстания Армии Крайовы в Варшаве, он справится и здесь. Ему в помощь начинайте перебрасывать с Балкан в Румынию 4-ю полицейскую дивизию СС. Мы должны удержать нефтепромыслы!

– Слушаюсь, мой фюрер!

– Да, что еще нужно сделать, Гейнц! Привлеките к устранению этих продажных политиков диверсантов Скорцени. Он показал, что умеет эффективно противодействовать переворотам, как это было в Италии и Венгрии. Надеюсь, он и здесь покажет себя с лучшей стороны.

«Все сделаем, мой фюрер!» – ответил Гейнц Гудериан, ставший недавно четвертым с начала войны начальником генерального штаба.

Утром 24 августа немецкая авиация подвергла бомбардировке Бухарест. В этот же день в Плоешти десантировался воздушно-десантный полк во главе со Штаэлем. Уяснив обстановку, связанную с тем, что румынский король и румынская армия перешли на сторону СССР 25 августа 1944 года Штаэль, тем не менее, двинул немецкие войска в наступление на Бухарест. Румынская оборона затрещала под ударами немцев.

– Все это бесполезно, Курт, румыны перешли на сторону Советов, которые сейчас подтянут свою армию и наши 20 тысяч солдат будут разбиты. Кстати, наша разведка донесла, что в Урзичени стоит русская дивизия, что это такое?

«Господин генерал, это механизированная бригада полковника Кольцова. Они первыми вошли в Румынию и захватили Галац. В общем, это небольшая группировка тысяч примерно в 7 тысяч всего, но у нее больше сотни танков и почти 5000 штурмовиков. Несмотря на то, что мы наступаем на Бухарест правее их километров на 30–40, но что такое 30 километров для танкового удара, который они могут нанести нам во фланг в любой момент, лишь поступит команда «фас», – ответил Курт Майер, командующий войсками ПВО в Плоешти.

«Будем наступать, а дальше посмотрим по обстоятельствам», – подытожил Штаэль.

Дивизия встала в Галаце, а я со своей бригадой получил приказ выдвигаться к Бухаресту. Длинная колонна танков, грузовиков из «Студебеккеров», «МАНов», «Круппов» и «ЗИСов», «Ганомогов» и легковых автомобилей под прикрытием зенитчиков с крупнокалиберными пулеметами на БТРах и разведки из мотоциклетной роты, двигалась к столице Румынии. В принципе, было проще сбросить десантную дивизию и ввести ее в город, а может и не проще, раз направили нас пешим порядком. В любом случае, я был рад повидать новый для себя город Бухарест, который не надо было штурмовать. Мы встали в узловом городке Урзичени, через который шли дороги на Плоешти, где были нефтедобывающие вышки и румынские нефтеперерабатывающие предприятия и Бухарест. Входить в Бухарест нам было запрещено по политическим соображениям. Однако, на нескольких легковых авто командиры и Дана съездили в столицу страны кукурузы. Повсюду были поля, на которых росла эта самая кукуруза. Там мы встретились с нашей немецкой группой, являющейся связной для Заводы. Увидели и самого Заводу, где я передал ему еще пять тысяч американских долларов.

Дана переводила: «Ион, ты хорошо поработал – это деньги на твоё обустройство. Наше с тобой сотрудничество закончилось и мне придется передать твои контакты другим кураторам. В любом случае, когда надо, ты знаешь наши позывные, а это наш военный почтовый адрес, запомни его и уничтожь бумагу. Если прижмет, то пиши или выходи в эфир в наше время – поможем решить возникшие у тебя проблемы».

– Наконец-то увидел командира «псов войны» лично, не любили ваш батальон и полк готы и сам Думитреску. Так что не удивительно, что в мою страну именно вы вошли первыми. Как будет выглядеть мое сотрудничество с Советами?

– Ты и дальше будешь тайным агентом Советов, только уже в новой Румынии. Пусть ваша страна и взяла новый правительственный курс, но, как говорится, «доверяй, но проверяй», поэтому советские медали ты сможешь носить, когда будешь уже на пенсии, пусть и в советской Румынии.

После чего мы разошлись, немецкие связные пока еще оставались с Ионом в городе, но все понимали, что скоро их заменят. Лабанд поздравил четверку связников с боевыми наградами, которые им будут вручены позже.

Плакала Дана: «Товарищ командир, наконец-то я в родном Бухаресте, четыре года не была дома».

– Если ничего не изменится, то твой дом теперь будет в другом месте.

– Очень может быть, Александр Павлович.

Вначале она сама побывала дома, а потом увела от нас и Михаила, чтобы познакомить со своими родными.

25 августа, взяв Боголюбова, Ледкова и Филиппова, я отправился на джипе с имеющимися у нас парой миллионов рейхсмарок, а также английской, французской и американской валютами на десяток миллионов долларов, выкопанных из схрона, в сторону Болгарии. Границу пересекали в форме офицеров войск СС. Румыны нас пропустили спокойно, потому что вся южная Румыния была еще под немцами. Также прошло дело и с болгарскими пограничниками, ведь Болгария была еще в блоке «оси», а румынам уже все было «по барабану». Прибыв в Руссе, я стал искать немецкие банки, но не нашел, поэтому нам пришлось проехать еще 70 километров в крупный город Велико-Тырново, где я смог положить деньги в Рейхсбанк в

валюте швейцарских франков на предъявителя. Правда два миллиона нам пересчитали всего лишь в 300 тысяч франков – рейхсмарка быстро обесценивалась. Остальные деньги пересчитали в швейцарские франки и положили на шесть счетов на предъявителя, примерно по 1,7 миллиона.

– Командир, ты уверен, что надо класть в немецкий банк?

– Ты видишь тут швейцарские или американские? А немцы после войны реорганизуют свой рейхсбанк в нацбанк, и все будет норма.

– А что ты думаешь делать с деньгами, как их взять назад?

– Об этом поговорим позже, главное, чтобы нас сейчас не ограбили.

Отмотав назад те же 160 километров, после обеда мы прибыли в Бухарест. Сберкнижки на предъявителя я раздал всей нашей шестерке.

Прибыв назад, мы узнали о том, что утром был достаточно серьезный бой в районе Бухареста, в ходе которого немцы силами до 2000 солдат дошли до триумфальной арки в северной части Бухареста, а еще порядка 10 тысяч растянулись фронтом шириной 5–7 километров с запада столицы. На румынскую столицу впервые падали бомбы – 4-й воздушный флот Люфтваффе получил приказ бомбить бывшего союзника. Несмотря на бомбардировки их позиций, кадровые войска румын держали оборону города. Немцы все же переоценивали боеспособность летчиков Люфтваффе даже против румын. Наступлению немцев пытались противодействовать американские бомбардировщики, прибывающие из Греции.

Михай еле сдерживая себя, разговаривал с новым руководителем страны Константином Сэнэтеску: «Господин Санэтэску, вы видите, к чему привела помощь американцев! Первое, что они сделали, это все перепутали и разбомбили наши окопы. Под их бомбы попали лояльные мне румыны, проще говоря, наши военные части за Бухарестом. И к чему это привело? К тому, что немцы уже ведут бои в западной части столицы. Хорошо, что амеры не перепутали мой дворец с немецкими блиндажами. А вы так упорно настаиваете на помощи этих союзников!»

Советские армии уверенно подходили к Галацу с расположенным в нем крупным мостом через Дунай. 57-я армия форсировала Дунай в низовье по наведенным саперами понтонам, после чего двинулась вдоль побережья к Болгарии. На международной арене вступление советских войск в город Бухарест приобрело политический характер. Речь шла о правильной политической интерпретации ввода частей Красной армии, в том числе со стороны союзников – США и Англии, которые этому вводу сопротивлялись всеми доступными им дипломатическими силами и методами.

Мы окопались вокруг городка, а разведчики Киричева и радисты Орлова постоянно находились рядом с местами ведения боевых действий, выкрадывая «языков» и снабжая нас свежими оперативными данными. Поэтому общее представление о положении дел и численности в стане немецкой группировки, атакующей город, мы имели.

Однако немцы довольно успешно наступали на Бухарест, поэтому вечером 27 августа наша бригада получила приказ выдвинуться ближе к столице и выдавить фрицев из захваченной части города. Штаб проработал план операции и три батальона: десантный, разведывательный и 2-й штурмовой на грузовиках, танках и БТРах выдвинулись в район немецких позиций. Все согласовывалось с нашими разведчиками на местах по радиации и штабом фронта, куда ж без согласования. За десяток километров до позиций техника была остановлена и моторы заглушены, дальше вперед «волчьим шагом», когда, то небыстро бежишь, то идешь, выдвинулись солдаты разведбата и десантники Гавриленко. В их задачу входил «тихий» захват выявленных разведчиками опорных точек противника: командных пунктов и штаба всей группировки. Впереди шли группы разведчиков по 10–15 человек, снимая часовых и расчищая проход для основного состава батальона. Их путь лежал в городок Буфту, что был в десяти километрах от пригородов Румынской столицы.

Генералу Райнеру Штаэлю не спалось. Он вышел покурить в сад при доме какого-то местного богатого румына, где остановился на ночлег. Гуляя между фруктовыми деревьями, мысли его витали далеко от реальности: «Сейчас в Буфту прибыло десять бойцов Отто Скорцени, завтра они будут переброшены в Бухарест, выйдут на верных людей и проникнут во дворец, а там уж, как карта ляжет. Ну, что же, возможно, проведя операцию по изоляции короля и, выпустив на свободу Антонеску, они смогут что-то изменить в раскладе сил в Румынии».

Вдруг его рот и нос зажали тряпкой, он почувствовал специфический запах и в голове померкло.

«Евгений, судя по кителю, похоже, что самого генерала Штаэля упаковали», – доложил командир 1-й роты капитан Штаков Дмитрий.

– Отлично, работаем дальше, бери в доме всех остальных: адъютанта и прислугу хозяев, одним словом, всех, кто попадется.

Через некоторое время к Киричеву подвели адъютанта и хозяев дома, которые дали показания о генерале и общем количестве немцев в городе – порядка батальона, остальные были на позициях у окраин Бухареста.

В городке начались перестрелки, значит, не везде удалось бескровно захватить спящих солдат противника, где-то нарвались на бдительных часовых. В некоторых домах начались ожесточенные перестрелки.

«Командир, в доме засели сильно грамотные вояки, не получается даже подойти к дому, уже трое раненых у нас, – доложил комвзвода Грицай комбату Гавриленко, – надо расстрелять дом из крупнокалиберного пулемета или гранатами закидать, чего возиться».

– погоди, Сереж, видать там непростые птицы сидят, какие-то профи. Перекрой им отходы и жди команды.

«Слушаюсь», – ответил Сергей и убежал к дому.

Из города побежали выбравшиеся из домов немцы, которые, используя темноту, старались уйти, кто в Плоешти, кто к позициям у столицы.

Начал просыпаться Райнер Штаэль. Он открыл глаза и увидел рядом в помещении советского бойца, который позвал начальство. В комнату зашел русский майор в камуфляже и жилете с кучей кармашков, куда были рассованы автоматные рожки, гранаты и нож.

«Чем это меня приложили, господин майор, голова, как в тумане?» – поинтересовался генерал.

«Хлороформ, герр генерал-лейтенант, – ответил Евгений Киричев, – а что это за дом такой интересный, кто там так хорошо защищается? Вы не в курсе случайно, советую не играть в партизана?»

«Там десяток бойцов спецподразделения Отто Скорцени, если вам что-то говорит это имя», – ответил генерал.

– Известный диверсант, наслышаны о проведенных им операциях, но здесь ему не повезло.

– Возможно, что вы правы, герр майор.

Евгений распорядился дежурному радисту связаться с Кольцовым и выяснить, нужно ли брать диверсантов живыми или просто взорвать дом и дело с концом.

Радист передал по открытому каналу об окруженных диверсантах, и мы с Клепченко и Недогаровым кумекали, нужны ли нам эти спецы или нет.

«В общем, решено, пусть пробуют взять живыми или легкоранеными, сдадим их в разведку армии, а те уже сами пусть с ними разбираются. Поручи Василию, чтобы направил своих химиков с дымовыми шашками и выкуривают их из дома», – отдал я поручение Клепченко.

Через полчаса отделение химроты было на месте. Пользуясь ночной темнотой, под прикрытием плотного автоматного огня по окнам дома, не дающем даже высунуться из них засевшим в доме гитлеровцам, ребята химики закидывали в дом через разбитые окна дымовые

гранаты, а через несколько минут в противогазах в комнаты через окна врывалась наша «десантура». Разбив в щепки из пулемета входную дверь в дом и хорошо «полив» очередями вдоль коридора, через дверной проем ворвались новые бойцы. Шестеро из десяти оглушенных и наглотававшихся раздражающего дыма немецких диверсантов было взято в плен, остальные погибли. Пленных военнослужащих знаменитого диверсионного подразделения 3-го рейха мы передали в особый отдел 46-й армии. К этому времени танковая группа из 60-ти танков подходила к городку, и, не входя в занятые пригороды, начинала утюжить снарядами позиции немцев.

Король Михай обратился к Сталину о помощи. Советское Правительство перебросило в Румынию для оказания помощи в отражении немецкого наступления и очистки страны от немцев несколько армий: 46-я, 53-я общевойсковые и 6-я танковая армии шли на Бухарест, а 57-я вдоль побережья Черного моря двигалась на Констанцу, отрезая пути отхода разбитым под Кишиневом и Яссами немецким войскам. Давление на немецкую оборону возрастало. Войска 2-го и 3-го Украинского фронта развивали успех в сторону Северной Трансильвании к Карпатским перевалам, а также вышли на подступы к Плоешти и Бухаресту.

31 августа по приказу Ставки советские пехотные и механизированные части промаршировали через Бухарест, направляясь в юго-западную Румынию к Болгарии. Наша бригада тоже была включена в состав проходящих по Бухаресту, как на параде, частей. Солдаты ехали на танках, в кузовах грузовиков, шли пешком в колоннах, а нам от радующихся людей летели букетики цветов, празднично одетые горожане махали руками с букетами или румынскими флажками. Хотя в этот момент мне больше вспоминались наши освобожденные города, по которым удалось также пройти в колоннах и, где нас радостно встречали местные жители, пережившие оккупацию. Появление в районе Бухареста крупных сил советской пехоты, танков и противотанковой артиллерии радикально изменили обстановку. Попытки немцев свергнуть короля теперь были обречены на неудачу.

Вечером 31 августа в Москве был дан салют в честь советских армий, освободивших Бухарест.

Вопреки ожиданиям ряда советских руководителей, в самой Румынии наблюдался мощный антифашистский патриотический подъём, а румынская армия в целом положительно восприняла выход из войны на стороне Германии и переход на сторону советских войск. Румынские военнослужащие в массовом порядке и по собственной инициативе оказывали помощь советским войскам, кто-то думал о новой жизни, кто-то припоминал унижения от немецких «коллег».

Наступила осень. На общем заседании штаба и командиров частей 3-го Украинского фронта, проводимом в одном из административных зданий в Бухаресте, Толбухин поздравил всех командиров с победными действиями вверенных им армий. Были положительно отмечены и действия нашей бригады.

«А теперь, товарищи, наш путь лежит на юг к границам Болгарии. Выполняя указание товарища Сталина и наших союзников – румын, вам необходимо приложить все силы и очистить Румынию от германских захватчиков и, если будет дана команда, то дальше мы двинемся на Софию», – подвел итог совещания, а если быть более точным, то торжественного заседания, командующий фронтом.

Выйдя из зала, я направился к выходу из здания, чтобы уехать в бригаду, которая также стояла в захваченном нами городке Буфтя.

– Товарищ Кольцов, подождите!

Я обернулся, узнав начальницу фронтовой канцелярии майора Виталину Викторовну Ростовцеву.

– Здравствуйте, Виталина Викторовна!

– Александр Палыч, зайдите в канцелярию штаба фронта, для вас много корреспонденции.

Расписываясь в кипе бумаг и учетных журналов, я с тоской посмотрел в окно.

– Какие нынче погоды стоят, да и 1 сентября, дети в школу пошли.

– Это точно, Александр!

– С этими совещаниями чувствую, что кушать очень хочется. Виталина, если вы не еще обедали и есть время, то, может быть, пройдемся по столице румынской, когда еще такая возможность будет.

– А давайте прогуляемся, часик у меня есть точно.

Бумаги забрал водитель и сопровождающие меня штурмовики-охранники, погрузив все это в джип. Мы же с Виталиной вышли и пошли гулять по центру города. Прогуливаясь, непринужденно болтали о жизни, она рассказывала о своей работе, смешных эпизодах и казусах, а я о своих. Потом разговор перекинулся на румын и страну в целом.

– Что касается этой страны, то самая знаменитая тут легенда о графе Дракуле. Мы находимся в предгорьях Карпат, а знаете Вита, что немного северно-западнее в Трансильвании находится замок самого графа Дракулы – ужасного вампира этого мира?

– Нет, но я не верю в сказки, хотя слушаю или читаю об этом с интересом. А он, правда, жил в Румынии или это легенды?

– Знаешь, Вита, иногда не поймешь, где заканчивается легенда и начинается правда. Ведь все легенды в мире основаны на реальных событиях, просто обрастают мифической составляющей за годы своей жизни, так сказать. Вообще, жил такой правитель, господарь Валахии Влад III Цепеш, известный как Дракул, или со старорумынского – «Дракон», после его вступления в венгерский рыцарский Орден Дракона, а персонаж вампира «Дракула» появился из романа Брэма Стокера «Дракула» еще в 1897 году. Скажем так, воевал он с турками и прославился своей неимоверной жестокостью по отношению к пленным, получив другое прозвище «Влад колосажатель», за то, что пленных турок сажал на кол.

– За что же это он их так? Это же ужасная смерть!

– Дело в том, что он с детских лет был заложником лояльности Валахского господаря, живя при дворе султана. А что такое быть заложником какого-то княжества при всесильном султани? Это значит, что его личные интересы никого не интересовали. Возможно, что именно в это время турки баловались с ним в сексуальном плане, раз он, когда вырос, отдавал им долг детства таким образом. Хотя это мои догадки, в попавшихся мне книгах этого не уточняли.

– А вы за границей бывали раньше или это первая иностранная страна?

– Первая, можно сказать. Это, как в анекдоте: «Спросили у француза на каком автомобиле он обычно отправляется в магазин? Француз ответил, что на «Рено». А если за границу, то на каком? – За границу на «Пежо». Немцу задали тот же вопрос, на который он ответил, что на «Мерседесе» и «БМВ». У русского спрашивают: «А вы на какой машине ездите в магазин? – На трамвае. А за границу? – А я не езжу за границу. – Ну, а если надо? – А мне не надо! – Ну а если очень, очень надо? – Ну, если очень, очень надо, то тогда на танке!» Так что ваш собеседник тоже первый раз за границей и приехал сюда на танке.

Мы нашли симпатичный работающий ресторанчик и довольно вкусно подкрепились блюдами национальной румынской кухни с бокалом вина, даже заказали на пробу мамалыгу, приготовленную по их рецепту, поболтав о разных бытовых делах и службе. Потом я проводил Виту к штабу и убыл в бригаду. Бойцы понимающе ухмылялись. Повернувшись к своим товарищам и заметив их ухмылки, я выдал: «Товарищи красноармейцы, грешно подсмеиваться над командиром, он может расстроиться, а это чревато внеочередными пистонами».

Все дружно засмеялись.

Бригада жила своей жизнью. Обезглавив руководство атакующей группировки, мы лишили немцев направляющего органа, и многие немцы побежали, лишь пара батальонов еще

сопротивлялась, пытаясь выполнить поставленную перед ними задачу. Мы уступили место на передовой подразделениям 46-й армии, которая широким фронтом обрушилась и на Бухарест и на Плоешти, вытеснив немцев из этих районов на юг. Мы были переведены в резерв.

За эти четыре дня снова был развернут полевой госпиталь, где наши врачи лечили раненых. Ожидая поставок антибиотиков и обезболивающих, лечили по проверенным рецептам народной медицины. Вообще, в медчасти после моего разъяснения, как я вижу организацию работы медиков, врачи ко мне прислушивались и не боялись что-то выяснять или, наоборот, разъяснять мне. Я был полностью за народную медицину, согласен с целебной пользой от использования натуральных ингредиентов: выжимок, заварок из трав, прополиса, меда, которыми больные солдаты, просто кушая по полчайной ложки несколько раз в день, ничем не запиная, даже на себе проверял, очень хорошо снимали себе боль в воспаленном горле. В вечерних обсуждениях, точнее сказать, раз это посиделки врачей, то консилиумах, приводил примеры того, что во многих таблетках больше обезболивающих компонентов, чем лечебных, а те, что имеются, зачастую, и есть те самые вытяжки из натуральных трав. А что может быть сильнее самой природы, развивающейся миллионы лет? Даже взять тот же антибиотик – это, в общем-то, не разрушающая организм химия, а природные ингредиенты – плесень. Используя сверхчеловеческие способности двух наших врачей, удалось немного по-другому наладить лечебный процесс. Он больше стал напоминать восточный подход к исцелению человека, то есть обследование всего человека в целом, а не одной болячки. Если уж брались лечить насморк каплями, то давали противовоспалительные и укрепляющие иммунитет настои трав для всего организма, с обязательными массажами нервных точек. Проводили энергетическую коррекцию организма. А далее, под руководством Тяпова, быстро уловившего суть дела, при основной работе Анны Суреновой и Миши Боголюбова отшлифовывалась общая совместная работа всех врачей. Тем более, что нас обеспечивали по остаточному принципу – медикаментов все равно был дефицит и основная их масса забиралась ведущими фронтовыми госпиталями. Поэтому тут волей-неволей нашим врачам приходилось обращаться к народной медицине. Главное, что был результат – люди выздоравливали.

Вначале к нам пришла мама с мальчиком с тяжелой формой воспаления легких. Но синий йод и чесночно-содовые ингаляции удивительно быстро поставили его на ноги. После этого по городку и окрестным селам разнеслась весть, что русские лечат все болезни, и к нам стали приходить другие румыны. Также мы оперировали и обрабатывали солдат румынской армии. Хотя я отдал приказ, чтобы в первую очередь уделяли внимание русским и нашим немецким бойцам, остальных осматривать по остаточному принципу.

Но, в любом случае, румыны были благодарны, неся нам свои небогатые деревенские подношения: яйца, мамалыгу или кукурузную кашу в разных варено-жареных вариациях, даже воздушную кукурузу типа современного попкорна, приготовленную в печи. Обычно наши врачи не брали подношения, возвращая их жителям, или же направляли подателей к раненым, чтобы они подкармливали тех, кому это было можно кушать.

Вскоре, проходя мимо лазарета, я стал наблюдать резко увеличенное количество молодых румынок в наших белых халатах. На мой вопрос, что это за цыганское нашествие в лазарете, девушки врачи, смеясь, отвечали, что эти молодые и не совсем румыночки, ухаживают за ранеными, присматривая себе женихов. К тому же Тяпов дал на это разрешение.

– Ну, раз сам Тяпов дал разрешение, то тогда вообще вопрос снимается.

– Александр Павлович, вы зря смеетесь, все-таки они, как санитарки, хорошо разгрузили наших девочек и парней.

– Светлан, я же не против этого, иначе, запретил бы этот караван-сарай.

Прибыла и Елена Шадина, определенная в терапевтическое отделение медчасти.

– Лен, чего решила-то на фронт податься?

– Александр, я ведь авантюристка в душе, а в Москве, как-то душно мне стало в этом госпитале, да и возвращаться было не очень комфортно после Калуги. Дочка взрослая уже, в техническом вузе учиться, а мне захотелось поучаствовать в этом событии – победном шествии нашей армии.

– Что же, милости просим, две твои знакомые у нас уже работают, так что вливайся в коллектив.

Механики, развернув свою ремонтную базу или, как мы шутили, станцию техобслуживания, проводили ТО и ремонт всей нашей техники. Скоро предстояли новые бои и марши по тяжелой, гористой местности Балканских, а затем и Карпатских гор, а там и Альпы увидим. Оружейники, химики, саперы – все занимались проверкой и подготовкой к новым боям своего имущества, подразделения пополнялись боеприпасами на складах фронта. Так что у Лабанда, Чебаняна, Суренова, Воронова и комбатов боевиков было, чем занять своих бойцов, чтобы с румынками в стогах сена и кукурузе не кувыркались, тоже мне «Фанфаны – тюльпаны» нашлись.

Кстати, вышла на связь наша бывшая радистка Лена Легкова, передав приветы от себя и Виктора Шубина, который командовал полком в армии 1-го Украинского фронта, участвуя в Карпатско-Дуклинской операции. Сейчас он штурмовал Дукельский перевал в словацких Карпатах. В ответ девчонки отбили ей шифровкой наши новости.

Наш радиодивизион эти несколько дней также проводил профилактику и ТО своей радиоаппаратуры, которая отлично отработала в период боев от Курской дуги, Крыма и до Румынии. За этот период дивизионом была вскрыта дислокация более 80 аэродромов противника, на которых базировались свыше 25 частей ВВС Германии. Было зафиксировано более 30 тыс. самолето-вылетов боевой и транспортной авиации противника, определены координаты базирования 20 крупных войсковых штабов сухопутных войск. При подавлении радиосвязи противника были сорваны 1300 срочных и 4000 простых радиопередач. Подвижной радиопеленгационной службой было выявлено больше 1100 выходов в эфир вражеских радиопередатчиков, работающих в прифронтовой полосе и ближнем тылу, и захвачено или уничтожено с документальным подтверждением 107 вражеских радистов.

В результате проведенных мероприятий РЭБ в 27 штабах или командных пунктах армий, дивизий и полков выявлены технические каналы утечки информации, были найдены и захвачены три конспиративные точки радиосвязи, наподобие той, что мы выловили в штабе Жукова в 1941. Совместно с особым отделом фронта выявлено более 100 вражеских агентов, служащих в Красной армии.

Успешной боевой работе способствовала четкая организация технического обеспечения, грамотность и четкость задач, которые ставились перед подразделениями дивизиона его командирами – Чайкиным, Бушиным, Размазновым, Орловым, Дмитрием Киричевым, Самсоновым, Шидловым, профессиональные навыки и общая техническая грамотность радистов, переводчиков и рэбовцев.

Все эти данные сводились в отчеты и справки и направлялись в штаб фронта, проходя по фронтовым сводкам. В своей работе мы негласно брали за ориентир показатели соседних радиобригад, как и все они – друг на друга. На западном направлении в зоне действия 2-го Украинского фронта работала, как я говорил ранее, очень профессиональная радиобригада полковника Костина, а у нас на фронте – Бушуева. Кстати, наши коллеги из отдельного 132-го радиодивизиона Людмилы Долженко после Крыма снова влились в эту радиобригаду.

Ведь, что такое война – это, прежде всего, учет и контроль. Необходимо осуществлять учет численности частей, обеспечить логистику их передвижений, подвоза боеприпасов и техсредств, продовольствия и обмундирования, резервов. Все это на уровне армий и фронтов представляют собой огромные цифры и толстые бумажные отчеты.

За тяжелые годы войны повысилось качество работы частей снабжения армий. По-крайней мере наши снабженцы, четко организовывали и проводили конвои с имуществом бригады, продовольствием, обмундированием и боеприпасами от пунктов снабжения к линии фронта, где мы базировались. В этом им помогали бойцы штурмовых батальонов, обеспечивающих охрану обозов. Хотя, периодически такие конвои подвергались бомбардировкам или нападениям отступающих групп немцев или румын. Так что не все было так легко и просто, типа получил-привез-роздал. Были потери среди наших бойцов, и даже полностью уничтоженные обозы. Были и естественные потери, когда гужевые повозки или грузовики застревали или ломались в грязи в распутицу или в снегу, проваливались под лед, попадали в скрытые ямы, канавы или болота. И если ту же телегу или грузовик еще можно было вытащить, за редким исключением, то груз мог быть безнадежно испорчен или просто утонуть. Все это было, но люди, надрываясь, не щадя себя, старались качественно сделать свою работу тыловика-снабженца.

Одним словом, наша особая штурмовая бригада готовилась к новым походам по всем направлениям боевой и тыловой деятельности.

3 сентября на планерке нашего штаба я доводил до наших командиров вводные, полученные мной и Недогаровым в штабе фронта от Бирюзова.

– Товарищи командиры, получен приказ, поэтому готовим бригаду к походу в самое ближайшее время. Нас ориентируют на уничтожение немецких групп войск, отступающих в сторону Болгарии, и чувствует мое сердце и видит зоркий глаз, что мы также войдем в Болгарию.

«Так она ж вроде о нейтралитете заявила», – спросил Горяев.

– Считаю, что где-то 8 сентября мы форсируем Дунай и окажемся в Болгарии.

«Ты уверен, командир, – спросил Шаламов, – Дунай серьезная река, значит, нашему подразделению надо готовить плавсредства и определять лучшее место перехода?»

– Однозначно, наши войска будут в Болгарии, поэтому нам желательно захватить мост, но надо готовиться и к наведению переправы, всякое может быть. Да, хочу поздравить вас с тем, что нашей бригаде вынесена благодарность командующим фронта, прошу поздравить бойцов, но, общее построение устраивать не будем, незачем отрывать от дел народ.

«Александр, считаю, что как коммунист и командир, ты должен построить бригаду и сказать напутственное слово, тем более есть повод – благодарность комфронта», – встрял Горяев.

– Хорошо, Владимир Тимофеевич, о важности момента в освобождении братских народов скажешь ты, а я поздравлю личный состав.

– А чего ты не хочешь о братских народах сказать?

– Не хочу, не такие они и братские – не с нами братаются, а с немцами, а как прижмет, так только тогда о нас вспоминают. Хотя, простых тружеников это замечание особо не касается, я о политиках говорю.

«А что, бригада хорошо воюет, благодарность заслужена», – заметил Клепченко.

«Согласен, Александр, бригада стала сильнее, техники много, настоящая ударная группа получаемся. Профессиональная подготовка бойцов отлажена, ребята действительно стали «псами войны»: крепкие физически, грамотные тактически и специалисты своего дела, да и взаимодействие подразделений стало не то, что в 42-м, когда только учились работать совместно. Хотя, лично мое субъективное мнение, но мне кажется, что раньше в 41–42 годах мы воевали жестче, что ли или тяжелее все было. Красная армия тогда слабее была гитлеровцев, войск и техники у него много было, нашу бы бригаду вмиг раздавили бы, если бы мы такие бы прорывы в 41–42 устраивали. Тогда немцы наши корпуса и армии в аналогичных прорывах перемалывали, а сейчас нет у немцев той мощи, что была в начале войны. Вот, и удастся нам брать города небольшими, в общем-то, силами», – пустился я в философию.

«Командир, мы же тогда небольшими группами орудовали, вот и создалось ощущение, что тогда все тяжелее давалось. Да и морально они не те, уверенности победителей в них нет,

только злость или обреченность – одни бьются до последнего, другие сдаются пачками», – ответил мне Недогаров.

Горяев организовал построение бригады, возле медиков в строю жались и человек 30 санитарок румынок. Пришлось вызывать нашу «Дану Интернэшнл», чтобы она коротенько перевела и поздравила румынок.

А на следующий день мы получили приказ на выдвижение к городу Питешти и, далее, к городу Крайова, для освобождения этих городов от немецких войск. Питешти лежал в долине, а за ним в вечерних облаках виднелись Южные Карпаты. Перед городом были сооружены достаточно хлипкие укрепления. Возвратившиеся после разведки местности мотогруппа Самсонова доложила нам об этом. Мы действовали нашей обычной тактикой – три штурмовых батальона начали фланговый обход этих укреплений по большой дуге порядка 10 километров с целью скрытного окружения города, а остальные части обеспечивают давление по фронту. Предполагалась прощупать немца и, если он будет упорно сопротивляться, то провести ночную атаку на позиции городского гарнизона из частей вермахта. Батальоны Гавриленко и Киричева объезжали на грузовиках город с юга, чтобы блокировать трассу на Крайову и не дать отступить туда немцам, батальон Воронова объезжал с севера. А основная ударная танково-пехотная часть подтягивалась по фронту. Где-то за полтора километра выстраивались в линию танки, которые будут обстреливать немецкие позиции. Чуть дальше Яценин командовал расстановкой батарей.

Заработал и наш радиодивизион, накрывая город излучениями генераторов помех. Готовились к бою и штурмовики, занимая места на броне ударной танковой группы. Вперед побежала полурота снайперов. Все отрывали себе индивидуальные окопы на случай вражеского обстрела.

Я смотрел на уверенные спокойные действия солдат.

«О чем задумался, Сань?» – спросил у меня подошедший Конышев.

– Смотрю, Ром, на нашу сегодняшнюю мощь – сотня танков, артиллерия, штурмовики, и вспомнил, как мы отделениями или взводами атаковали аэродромы, склады, железнодорожные узлы немцев. Сравниваю я те события с сегодняшними, те укрепления с этими хлипкими окопами, да парой батарей полковых пушек.

– Это же город глубокого тыла, откуда здесь взяться мощным укреплениям.

– Точно говоришь, но все же, это немцы, так что и пара батарей столько дел наделать смогут.

– Лабанд, направь к ним своего парламентаря, поговорить о сдаче.

Трое немцев с белым флагом, периодически крича по-немецки о мирных намерениях, двинулись к окопам.

Но парламентаря обстреляли из автоматов, хорошо, что те были в касках и бронежилетах и успели залечь.

– Вот так, значит, ждем радиосвязи с батальонами и начинаем артобстрел.

«Вот скоты, – выругался Лабанд, – я им этого не прощу».

Я кивнул головой, выражая свое согласие. Пришли радиogramмы от батальонов, занявших позиции километрах в пяти от города с противотанковыми ружьями, станковыми крупнокалиберными пулеметами и мобильными группами на БТРах и мотоциклах.

Была дана отмашка снайперам Бурята, которые выискивая цели, начали работать по высунувшимся из окопов немцам. Я наблюдал за вражескими позициями в бинокль из-за танка. Олег Яценин отдал команду, и заработали орудия, минометы и танки. Вражеские батареи достаточно быстро были подавлены превосходящим огнем нашей бригады. Огонь батарей визуально корректировался выдвинутыми вперед артиллеристами, постепенно переносившийся от передней линии окопов ближе к городу, захватывая уже и пригороды. Минут через пятнадцать вперед двинулись танки с пехотой. Батареи замолкали, давая остыть стволам и,

чтобы не обстрелять своих бойцов. С окраин города нашу танковую группу обстреляли танки противника. Бойцы спрыгивали с брони и, дальше начиналась артиллерийская дуэль атакующих наших танков против стоящих в укрытиях немецких.

Закричал Кожуков: «Я заметил, откуда вспышки, орудия батареи готовы к стрельбе!»

«Батареям, огонь!» – скомандовал Мутонин.

76-мм пушки стали обстреливать те дома, откуда были видны вспышки выстрелов. К ним подключились и стоящие стационарно 152-мм САУ и 85-мм пушки танков «КВ-2» и «Т-34».

В бинокль было видно, как пара немецких танков сдает задом, уходя в улочки города. Это заметили командиры-артиллеристы, перенесся огонь на них.

– Болхова, пусть твои радисты передадут в батальоны, чтобы подтягивались к городу, выпустили бы колонны, а затем, отсекая от города, расстреливали всех, кто из него будет уходить.

– Есть, командир.

Батареи в это время ровняли с землей пригородные дома, за которыми могли быть немецкие солдаты, танки и пушки.

За час всех этих маневров штурмовые пехотные подразделения, заняв окопы, подошли к окраинным домам, ввязываясь в уличные бои, танки же остались за городом. Вскоре с обеих сторон города послышалась стрельба – это батальоны вступили в огневой контакт с отступающими немцами.

– Сдаются фрицы!

– Сказали, что в плен никого не брать, так что расстреливай их – будут знать, как по парламентарам нашим стрелять.

Нарвавшись на снайперский и плотный пулеметный огонь, немцы снова откатились в город, побросав машины и грузовики. Несколько БТРов и танков рванули в прорыв, но бойцы батальона Киричева расстреливали их из противотанковых ружей, а когда кто-то проскакивал, то залегшие эшелонами вдоль дороги, за камнями и холмиками бойцы, кидали лежа с земли гранаты. Один десантник даже перекатом ушел от гусениц едущего на него танка, оказавшись под днищем, пропустил его, а затем швырнул в уезжающий танк гранату, подорвавшую тому топливные баки. При этом от огненной волны сам получил ожог лица, лишившись усов, бровей и бороды. Один прорвавшийся танк налетел на расчет огнеметчиков, получив огненную струю прямо в смотровые щели, загоревшись снаружи. У Воронова, прикрывающего отход в Карпатские горы, была та же картина. Немцы численностью до батальона уходили из города, но тоже приняли вечерний бой с залегшими за естественными укрытиями нашими бойцами. На этой дороге доновцы, то есть минеры роты Димы Донова, поставили десяток противотанковых и противопехотных мин. На них подорвался один из пяти танков, застопорив движение колонны. Начавшие объезжать его остальные танки подставляли свои бока под выстрелы противотанковых ружей, стреляющих в основном по гусеницам, сбивая с катков траки, чтобы и танк сохранить, и не дать тому уехать. Подорвались и несколько противопехотных мин, покалечивших или убивших нескольких немцев. Фашистов так же расстреливали издалека, никого не беря в плен.

Немцы падали в поле, занимая позиции за естественными укрытиями, но большинство побежало в город. Многих из залегших и убегающих солдат уничтожили снайпера.

А на землю опустились сумерки, стало темно, и мы прекратили боевые действия. Требовалось пополнить запасы патронов у солдат и орудий, поэтому за дело взялись наши интендантские подразделения, развозившие еду и патроны на центральные позиции и в батальоны. Произошла смена штурмовых подразделений и с восточной стороны в город вошли сытые и свежие бойцы 3-го штурмового батальона и снайперские группы – снайпер и двое штурмовиков прикрытия с автоматами. Они занимали частные дома или взбирались на крыши двух- и

трехэтажных зданий, занимая господствующие высоты. В некоторых домах происходили перестрелки. Мирные румыны, видя такое дело, прятались в своих комнатах.

– Ледков, тащи сюда какого-нибудь румына, а лучше не одного, надо ему разъяснить политику партии.

Ко мне было доставлено два десятка румын.

– Домишоара Даниела, переведи этим товарищам, кстати, спроси у них – они товарищи или фашистские прихвостни? Так вот, объясни им, что мы не хотим разрушать город, но румыны должны нам помочь, указывая, в каких домах засели немцы, а кроме того, всем сдавшимся в плен в течение часа немцам я гарантирую жизнь, кроме тех, кто обстрелял парламентариев – они будут расстреляны. В противном случае я разрушу весь город.

Дана улыбнулась, но с серьезным лицом перевела румынам мое пожелание.

Румыны закивали головами, наперебой убеждая нас в том, что они самые верные товарищи, а затем побежали обегать город, выкрикивая мои требования. В городе все равно никто не спал: во-первых, рано, а во-вторых, как тут уснешь, когда вокруг идет бой.

Скоро потянулись ручейки немцев, которых мы отводили в сторону и переписывали их. Выяснилось, что в городе был танковый батальон эсэсовцев из дивизии «Мертвая голова», правда, имеющий всего 12 танков, отступивших от Кишинева. Это их командир приказал расстрелять парламентариев, но он погиб в окопе при артобстреле. Остальные пленные являются дислоцирующимся в городе батальоном ПВО в количестве 670 человек и порядка трехсот солдат из различных частей, в том числе экипажи пяти танков, отступивших от Бухареста. Но после боев осталось около пятисот солдат вермахта, которые пытались уйти из города и неизвестно, сколько выживших эсэсовцев, отступивших назад в город из-за обстрела, а сейчас засевших в ратуше и прилегающих городских зданиях.

Пацаны и взрослые румыны подбегали и тащили наших бойцов, показывая на дома, где засели немцы, которых либо принимали в плен, либо уничтожали на месте, иногда вместе с домом. Квартал с ратушей был сразу же окружен.

Ко мне подошел достаточно молодой пленный майор и заговорил: «Герр полковник, вы не узнаете меня, я тот самый лейтенант, которому вы оставили жизнь, помните, как вы взяли в плен генерала Фишера, деревня Леонидово!?»

«Флоэ, ты снова попал к нам в плен! Надо же, парни, этот тот офицер, с которого начались наши геройские подвиги под Ельней», – засмеялся я, и понимающие в чем дело, Ледков, Лосев и Орлов.

Мы предложили еще раз сдаться засевшим в здании эсэсовцам, гарантируя жизнь, но те пока молчали.

– Флоэ, сколько их там, как думаешь?

– Не могу знать, герр полковник, но прибыли они на 12 танках, из них два «Тигра», пять «Пантер», три САУ «ЯгдПантера» и два мощных инженерных танка «Бергепантера» для эвакуации тяжелых танков и самоходок, и десяток грузовиков с солдатами 5-го панцергренадерского (мотопехотного) полка СС «Туле» дивизии «Мертвая голова». От моего танкового батальона после боев под Яссами осталось 8 танков «Пантера».

– То есть против нас было 18 танков.

– Девять танков, герр полковник, остальные в количестве четырех и пяти штук базировались на двух выездах из города, где вы их и подбили.

– А почему на танках нет эмблемы этой дивизии «Мертвая голова».

– После Курского сражения эти эмблемы перестали наносить на танки дивизии.

Я развернулся к Недогарову и остальным командирам и произнес: «Завтра рано утром с Лабандом и двумя нашими батальонами отправляемся в Крайову. За нами, зачистив город, пусть спокойно выдвигаются все остальные. Будем брать Крайову с ходу. Затем оставим там тыловой гарнизон, пусть защищают город и восстанавливают немецкую технику.

– Как там фрицы, не сдаются, наводи на прямую наводку пушки САУ, будем расстреливать здание.

«Командир, может, я для стимулирования мозговой деятельности фрицев дам по площади пару струй из огнеметов и, если это их не проймет, то огнеметчики, прячась за корпусами танков, подойдут и сожгут, к такой-то матери, это здание?!», – спросил Абдулов.

– Василий, хорошо придумал, «сбрызни» пару контрольных струек по площади в сторону ратуши.

После того, как брусчатка на площади несколько минут горела после пущенных бойцами химроты пары огнеметных струй, явно показывающих намерения атакующих, немцы задумались. Очевидно, такой поворот событий им совсем не понравился и в окно был выброшен белый флаг.

Nicht schießen wir geben auf!

«Не стрелять, сдаются они, видите ли. Видали мы таких фраеров», – выругался Ледков.

«Выходить по одному и бросать оружие на землю! – закричал Лосев. – Тьфу ты, gehen sie eins nach dem anderen und werfen sie ihre waffen auf den boden!»

Эсэсовцы и несколько солдат вермахта выходили и клали оружие на землю перед здаением. К утру город с помощью румынских патриотов был полностью зачищен. Чтобы поощрить голодных пацанов, помогавших всю ночь нашим солдатам, мы кормили их из походных кухонь вкусной мясной кашей и горячим хлебом, который пекли в перевозной пекарне, которые приготовили наши повара для бойцов бригады. Весь день и ночь посменно механики разбирались с подбитыми нашими и вражескими танками, восстановив семь из них с перебитыми гусеницами и один с пробитой башней, поставив на неё заплатки из срезанной с полностью «убитых» танков брони. Бойцы участвующих в ночном бою частей отсыпались в палатках за городом.

Часам к десяти утра жители города Крайова с удивлением смотрели, как подъезжающие к городу пара десятков немецких танков с немецкими солдатами, которые, соскочив с брони, обезоружили блокпост на выезде из города, а затем двинулись в центр к городской магистратуре. Комендант города быстро уловил суть происходящего, и гарнизон с полицией сложили оружие.

Вскоре на горизонте показалось очередное облако пыли, расходящиеся в линию вдоль кукурузных полей, расположенных вокруг города, превратившееся в русские танки. За ними двигались мотоциклы, БТРы и грузовики, которые, не желая задерживаться на движение по улочкам города, объезжали его по окружной дороге, направляясь к тракту в Болгарию. Им предстояло совершить марш бросок в сто километров к мосту через Дунай и, заняв его, дожидаться подкреплений.

Глава 2. Танковый чартер в Болгарию

Первыми ехала рота Карла Мая в форме войск СС, за ними пылила вторая танковая рота немцев. Следом на удалении в пять километров двигались советские танки, мехбатальон Воронова с артиллерией Мутонина и батальон штурмовиков Лаврикова. С ними же ехал я, Недогаров и Конышев. Клепченко с Ледковым остались оперативно навести порядок в Крайове с помощью остальных батальонов. В освобожденных городах мы захватили больше 300 единиц грузового и легкового транспорта, несколько десятков мотоциклов, десятка два танков разных моделей, полусотню различных орудий, в том числе зенитных. Бригада все больше становилась полностью моторизованной частью.

Через три часа первые немецкие танки прошли мимо мощного укрепрайона с двумя десятками орудий, направленных в сторону Румынии. Несмотря на то, что официально Румыния перешла на сторону антигитлеровской коалиции, фактически всем здесь управляли немцы.

Майор, командир блокпоста, переговорил с Шульцем, переодетым в форму штурмбанн-фюрера СС, после чего пропустил колонну к мосту.

Май переговаривался с Шульцем: «Серьезная у них оборона, наши могут не взять ее сразу, предстоит осада, а это значит, что мост мы можем потерять. Что делать?»

– Знаешь, Карл, что я думаю. Давай пропустим на тот берег штук 10 танков и десяток грузовиков с пехотой, а потом имитируем поломку танка на въезде на мост с нашей стороны и создадим пробку. Солдаты пусть выходят с транспорта и рассасываются потихоньку по округе. Так мы тут оставим танки и пехоту и с болгарской стороны подстрахуемся, а дождавшись Кольцова, ударим в спину фашистам.

– Принято, ты проезжай на тот берег, контролируй, чтобы болгары с немцами мост не взорвали или еще чего не учудили, а я тут задержусь. От моста до батарей около полутора километров, как раз хорошо их видно, постреляем, когда придет время.

Так и поступили, успев переправить на тот берег пару рот пехоты на грузовиках, десяток танков с БТрами, на мосту изобразили поломку танка и монументальную пробку, как будто, не смогли разъехаться по довольно широкому мосту. Вокруг танков бегали немецкие солдаты Мая и несущие службу непосредственно на мосту румынские часовые.

«Фельдфебель, мост заминирован, надеюсь?» – спросил Май у старшего наряда.

«Так точно, герр штандартенфюрер, блок управления подрывом находится в этом ДОТе», – бодро ответил фельдфебель.

– Молодцы!

– Рады стараться, герр штандартенфюрер.

– Я хочу проверить, как несут службу наши доблестные войны.

Часовой замялся: «У меня нет доступа к ним, но я постучу, герр штандартенфюрер, они должны открыть».

Май и трое эсэсовцев по его команде двинулись за фельдфебелем.

Связавшемуся по телефону из своей будки с ДОТом фельдфебелю ответили, что не положено.

Лицо эсэсовца побагровело, он вырвал из рук караульного трубку и заорал в нее: «Я сейчас из танка расстреляю ваш сарай, сволочь, будешь еще указывать, что офицеру СС положено, а что нет».

Очевидно, унтер в ДОТе решил, что с офицером СС лучше не спорить, и открыл бронированную дверь.

Вся толпа ввалилась в укрепление, и в нем сразу стало тесно.

«Молодцы, хорошо несете службу, прикажу выдать вам денежную премию!» – сказал Май расцветшим от удовольствия служакам, но вместо этого разведчики-штурмовики расстреляли всех троих, включая фельдфебеля, из пистолетов с глушителями. Тут же один из парней бросился к колонне машин и один бронетранспортер все же объехал затор, направившись к другому берегу.

Прибывший БТР встречал сам Шульц, чья техника расположилась недалеко от моста, равномерно распределившись по прилегающей территории, несмотря на протесты и попытки болгарских военных указать, что колонне делать.

– Камерад Шульц, мост заминирован, вон в том ДОТе находится пульт управления подрывом.

– Мольтке, Рейнхарт, возьмите по паре солдат и осмотрите мост на предмет выходящих проводов из вон того ДОТа, мост заминирован. Если не прорвемся в ДОТ, то надо эти провода будет перекусить инструментом.

На том берегу послышался грохот пушечной стрельбы.

– Похоже, Кольцов вышел на позицию и завязал бой.

Шульц отдал команду и бойцы роты, разбежавшись по объекту, начали захват болгарских и немецких военнослужащих, находящихся на КПП возле моста.

Одни немцы живо побежали осматривать ДОТ и выходящие из него коммуникации, другие же блокировать пути подъезда к мосту.

– Райнхард, возле ДОТа все аккуратно закопано в землю, а вон видишь, как вдоль опоры кабели выходят из земли и в металлических кабель-каналах поднимаются под мост, а вон там взрывчатка укреплена на опорах моста.

– Да уж, надо лезть по балкам. Давай, Мольтке, я полез, а ты прикрой меня от стрелков из дота.

Райнхард полез по железным связям и балкам, чтобы подняться на четыре метра и добраться до кабелей, когда Мольтке накрыл амбразуру дота шинелью, закрыв обзор. Из двери выскочил немец, которого тут же пристрелил Шульц, а в ДОТ ворвались двое разведчиков. Закончив дело, Мольтке позвал Райнхарда: «Франц, мы взяли ДОТ, так что слезай, уже незачем лазить по мосту, как обезьяне по деревьям, хотя если тебе так нравится, то он мешать не будет».

Шульц отправил снимать ящики с взрывчаткой с моста целый взвод – нечего им там висеть, а то мало ли что.

В это время на румынском берегу все сильнее разгоралось артиллеристское сражение. С нашей стороны стреляли танки, САУ, 122- и 76-мм пушки, а с немецкой в противостоянии участвовали 57-мм и 85-мм.

Вдоль полей залегли снайперы, выцеливающие высунувшихся в горячке боя немецких артиллеристов и пехотинцев. Так же по полю рассредоточились штурмовики и разведчики. К немцам из близлежащей деревни с названием Калафат подходило подкрепление. Несколько танков стало обходить позиции немцев, чтобы увеличить фронт обстрела. Было видно, что немцам хорошо доставалось, несмотря на оборудованные позиции и закопанные орудия. Тяжелые 152-мм бетонобойные снаряды разворачивали окопы, разрывая бетонные бруствера на части, разлетающиеся осколками в разные стороны и ранящие зазевавшихся артиллеристов и пехоту.

К Маю подбежал немецкий офицер.

– Герр штандартенфюрер, герр майор просит помощи, ваши танки очень быгодились в отражении атаки русских.

– Яволь, герр лейтенант, я помогу.

Развернувшиеся танки дали залп по позициям немецких батарей с тыла, взрывая ящики с боеприпасами и уничтожая расчеты орудий.

– Что вы делаете, герр штандартенфюрер, это же наши, вы перепутали, вы предатель!

Раздался выстрел и офицер упал замертво.

«Не люблю, когда меня называют предателем, я выбрал свой путь, а ты выбрал свой», – громко сказал Май.

Немцы, не ожидавшие нападения в спину, оказались сильно деморализованы. Последнее, что увидел командующий обороной майор – это снаряд, упавший точно в их люнет. Открытое с тыла укрепление не защитило расчет орудия от прямого попадания снаряда, превратив всех четверых солдат и майора в много кусков мяса, напигованного металлическими и бетонными осколками. Оборона немцев была сломлена. Оставшиеся в живых немцы и румыны сдавались.

Я же гнал наши части на ту сторону Дуная, чтобы закрепиться и удержать оборону до тех пор, пока Сталин официально не объявит войну Болгарии. С Болгарской стороны вокруг моста срочно укреплялись позиции бригады, правда, делалось это немцами «Новой Германии». На нашей стороне были развернуты зенитные орудия, защищающие мост от нападения с воздуха. На болгарский берег также были переброшены БТРы с крупнокалиберными зенитными пулеметами ДШК и еще танки. Бойцы занимали господствующие высоты на расстоянии до полутора километров от моста, организуя там наблюдательные пункты и точки обороны. Минеры Димы Донова организовывали подвесные люльки и с них снимали толовые заряды, укрепленные под мостом с румынской стороны. Суменов организовал обустройство пленных немцев, румынам довели информацию о том, что теперь их страна воюет против гитлеровцев, и отправили колонной в Крайову.

Вышел на связь начальник разведотдела фронта: «Кольцов, где вы и что у вас там творится?»

– Как я докладывал ранее, освобождены крупные города Питешти и Крайова. Отступающие под ударами бригады немецкие войска СС перешли мост в районе города Видин и удерживают его, не допуская туда болгарских коллаборационистов и фашистские части. Мост был заминирован, но сейчас все под контролем солдат «Новая Германия», угроза подрыва моста с помощью заложенных зарядов тола саперами ликвидирована. Советские войска бригады стоят на румынском берегу, контролируя мост с нашей, то есть румынской стороны.

– Кольцов, что ты мне мозг выносишь, какие войска СС.

– Наши войска СС, товарищ Лозин, наши переодетые немцы в форму СС.

– Понял тебя, Кольцов, жди, что на тебя выйдет сам Толбухин, вот ему объясняй про наших эсэсовцев.

Через полчаса на связь вышел сам комфронта.

– Александр Павлович, что там у вас происходит, на меня вышло Болгарское правительство с претензией, что мои части захватили стратегический мост через Дунай, арестовав части болгарской армии, тамошни и администрации?

– Федор Иванович, ситуация следующая. На территории Болгарии нет ни одного советского солдата. Стратегический мост через Дунай, второй из двух имеющихся на Дунае мостов, захватил батальон «Новая Германия», то есть наши немцы в форме войск СС и удерживают его. Причем, немецкие офицеры по собственной инициативе смогли обезвредить мины на мосту, который бы обязательно взорвали отступающие немцы, и очень помогли нам в уничтожении группировки немцев, обороняющей мост, ударив им в тыл. Отсюда прямая дорога на Софию, всего лишь 250 километров, мы за день перебросим туда мотобатальон для проведения любых акций. Также, информирую вас о том, что 8 сентября Сталин официально объявит войну Болгарии, и нам в любом случае, придется брать этот мост под контроль или наводить понтоны для переправы армий, что будет намного сложнее. Сейчас мост захватили войска СС и удерживают его в своих целях. Так и отвечайте Болгарской стороне. В настоящее время немецкая авиация бомбит мост, наши зенитки отбиваются, но будет следующий налет и у них может получиться его разрушить. Нам требуется воздушная поддержка, иначе все будет зря.

– Вас понял, Кольцов, держитесь – поможем.

«Что там такое случилось у вас, товарищ Толбухин, по вопросу нарушения границы Болгарии?» – спросил товарищ Сталин комфронта, разговаривая с ним по телефону ЗАС.

«Сложилась интересная ситуация, товарищ Сталин, – начал доклад Толбухин, передав смысл нашего с ним разговора, – вместе с тем, считаю такое решение товарища Кольцова политически верным. В настоящее время стратегическую переправу захватили немцы из батальона «Новая Германия». Несмотря на то, что формально подчиняются нам, но это же немцы, к тому же мост был заминирован 300-ми килограммами тротила, который сняли с моста минеры Кольцова. Если бы не умелые действия немцев, то моста бы не было. А так у нас свободный путь для переброски войск из Болгарии и Юго-Западной Румынии в Югославию, что существенно сократит путь, если бы все части шли через переправу в Руссе.

– Хорошо, согласен с вами, по-военному и политически верно выкрутились. Надо будет наградить немецкий батальон за столь грамотные действия.

Вообще, с Болгарией было интересная ситуация. Она была единственным сателлитом Германии, чьи войска не принимали участия в боях с Красной армией. Регент при малолетнем царе Симеоне 2-м Богдан Филев и дядя царя принц Кирилл, руководящие страной в годы войны, формально объявили войну США и Англии. Однако по отношению к СССР страна была нейтральна, мотивируя такое решение перед Гитлером тем, что объявление войны СССР будет крайне непопулярной акцией среди населения страны. Болгарская армия, насчитывающая до полумиллиона солдат, в основном, несла службу в Греции и Югославии, обеспечивая порядок в интересах 3-го рейха.

После разгрома немцев под Яссами и Кишиневом, как в Румынии, так и в Болгарии активизировались все политические силы, пытающиеся либо удержаться у власти, либо занять ее. В Болгарии особенно активны стали коммунисты и партия «Звено». Если в Румынии генералы успели провести государственный переворот, чтобы «очиститься» перед Советами и остаться у власти, вовремя примкнув к побеждающей стороне, то в Болгарии еще шла подготовительная работа руководства различных политических сил, хотя, пламя партизанской борьбы уже пылало. Партизанские силы составляли более 30 тысяч вооруженных бойцов, проводивших свои операции при поддержке 200-тысячной армии укрывателей и помощников – ятаков, которые проживали во многих населенных пунктах, находясь на легальном положении.

Весной и летом 1944 Советское правительство неоднократно обращалось к правительству Болгарии с предложением разорвать союз с Германией и соблюдать подлинный нейтралитет. В ответ болгарские правительственные круги предпринимали различные дипломатические маневры. Одним из них в июне 1944 года была смена правительства Божилова правительством Багрянова, столь же пронемецки настроенным. Затем, 2 сентября 1944 года, правительство Багрянова было отправлено в отставку и вместо него было сформировано правительство Муравиева.

В кабинете у нового премьер-министра собрались лидеры Болгарии.

«Что мне прикажете делать. Мы кормим Советы уже несколько месяцев, меняя премьер-министров, но, не меняя политику – это надоест Сталину, тем более, что его войска уже у рубежей страны, и он нас раздавит», – горячился премьер-министр Константин Муравиев, пришедший к власти три дня назад.

«Господин премьер-министр, в стране более 30 тысяч немецких солдат. Гитлер отдал приказ фельдмаршалу фон Вейхсу, так что уже с неделю идет переформирование и приведении в боевую готовность «на случай антинемецких выступлений в Болгарии» всех немецких воинских частей. В ключевых городах Варне, Русе, Пловдиве, Софии, Видине и Дупнице организованы шесть боевых групп. Любое антиправительственное выступление будет подавлено», – мягко ответил военный министр генерал-лейтенант Иван Маринов.

«Ах, забудьте свои надежды на немецкую помощь, немцы нас поддержат, безусловно, но вот смогут ли они противостоять Советам, я сомневаюсь, – зло ответил бывший премьер Иван Багрянов, – и что прикажете делать нам – бежать из страны?»

«Я думаю, что мы еще не проиграли, и Сталин не решится нарушить наш нейтралитет», – ответил Маринов.

«Они уже нарушили свой нейтралитет, когда захватили мост у Видина и укрепляются там. Немецкий гарнизон в Видине в количестве 5000 солдат ничего не может им противопоставить. Насколько я информирован с той стороны стоит целая бригада с сотней танков, – продолжил Муравиев.

«Истинно так, хотя на наш берег перешли и укрепляются лишь антифашисты из немецкого батальона «Новая Германия», – подсказал Маринов.

«Все мы должны принять решение и сегодня же 5 сентября объявить войну Германии, если хотим остаться у власти», – решительно сказала Муравиев.

«Считаю и настойчиво рекомендую данное решение принять 7–8 сентября, а до тех пор подготовить наши части, все согласовать с коммунистами и другими весомыми партиями, в том числе с лидерами «Звена» Георгиевым и Велчевым», – убежденно сказал военный министр Иван Маринов.

«Хорошо, приводите войска в нужное состояние, мы же проведем консультации с лидерами партий. Решено, 8 числа будем объявлять войну Германии», – согласился Муравиев.

К тому времени Иван Маринов уже согласовал свои действия с прокоммунистическим Отечественным фронтом, и даже имел тайные сепаратные переговоры с советским командованием. Теперь же он делал все, чтобы сильнее скомпрометировать нынешнее правительство, полностью убрав его из вертикали власти.

Несколько раз, по докладам Шульца, наши немецкие передовые части вступали в боевой контакт с гитлеровскими частями из Видина, проводящими разведку боем. 7 сентября наши разведчики донесли о том, что немцы вышли из Видина и отступают по дороге, идущей между гор в сторону Югославии.

– Что будем делать, камерад Кольцов, догонять фашистов или пусть уходят?» – спросил на совещании, собранном в связи с этим донесением, Лабанд.

Мы обсуждали все за и против, в итоге, приняв следующее решение.

«Пусть уходят, в Болгарию нам пока соваться нельзя, а одним немецким батальоном мы их не раздавим, только потеряем солдат, поэтому побережем наших парней для будущих дел. Наш путь лежит в Софию», – озвучил я итоговое решение.

Немецкая танковая рота с грузовиками пехоты и разведкой из бойцов на мотоциклах выдвинулась в сторону Софии, пройдя через город Видин. В связи с богатой разговорной практикой в бригаде стало достаточно много подготовленных за эти несколько военных лет переводчиков. В связи с этим Алексей Самсонов, бывший и ранее любителем, а сейчас, ставший настоящим страстным мотоциклистом, по его просьбе, был освобожден от должности комроты переводчиков и возглавил мотоциклетную роту. Командиром же роты переводчиков в составе радиодивизиона, вместо Алексея, стала наша преподаватель капитан Елена Павлова. Все бойцы были ей хорошо знакомы, так как она сама частенько заступала на боевые дежурства в ответственные периоды, когда требовалось очень внимательно и правильно переводить пойманные приемниками в эфире полевые радиопереговоры немцев, так что особо в курс дела роты ей входить не пришлось, итак все знала.

К нашим позициям подошла группа болгар, попросивших встречи с командиром. Рота охраны их досмотрела и, изъяв все найденное оружие, проводила ко мне.

– Здравствуйте, товарищ командир, я Тодор Живков, коммунист, командир объединения партизанских отрядов севера-запада Болгарии. Вместе с прибывшими командирами отрядов, предлагаем вам двинуться на Софию для свержения фашистского правительства и установле-

ния власти коммунистов. Мы также хотим сообщить, что сегодня немцы ушли из Видина в сторону Югославии и путь свободен.

– Это мы знаем, товарищ Живков, одобряю ваше желание, готовьте свои отряды. Завтра мы выдвигаемся на грузовиках в Софию.

– Почему не сегодня?

– Не имеем права, завтра мы получим разрешение товарища Сталина и к вечеру будем в Софии.

8 сентября Советское правительство объявило войну Болгарии, после чего части 3-го Украинского фронта вступили в страну. Вглубь нее устремились советские механизированные корпуса. Корабли Черноморского флота вошли в порты Варна и Бургас. Болгарские корабли не оказали противодействия, а весь германский флот по приказу германского командования к тому времени уже был затоплен. Немецкие моряки покинули Болгарию, уйдя в Турцию и Грецию. Солдаты Красной армии продвигались, не встречая сопротивления, наоборот, их встречали хлебом-солью и забрасывали цветами и улыбками жители болгарских сел и городов.

Все так и случилось, утром две сотни грузовиков с двумя батальонами штурмовиков и разведчиков, а также солдатами из подразделений усиления, определенных нашими нормативными по бригаде документами, выдвинулись в направлении Софии, забрав по пути три сотни партизан во главе с будущим генеральным секретарем компартии Болгарии. Я и наш штаб ехали в легковых автомашинах по холмистой местности, где с одной стороны дороги простирались поля и виноградники, а с другой стороны высились поросшие лесом и кустарником горы Стара Планина. Живков сидел со мной в комфортабельной для того времени машине «Мерседес», непринужденно разговаривая со мной и Недогаровым. Языковой барьер через час уже особенно не ощущался – привыкли.

– Ну, Тодор, большое дело сегодня свершите, это же не шутка, государственный переворот осуществить.

– Эх, Александр, если бы не ваши армии на пороге страны, вряд ли бы что-то получилось.

– Согласен с тобой, Тодор, всегда за чем-то серьезным стоят мощные силы, поддерживающие тех, кто жаждет перемен. Но тебя ждет большое будущее в истории Болгарии, так, что будь достоин его. Только мой тебе совет, все эти освободительные фронты, «Звенья» и другие партии всего лишь попутчики. Вы, коммунисты, должны выдать из власти всяких антисоветчиков типа Велчева, прозападных либералов типа Георгиева, предателя по своей сути генерала Маринова и сосредоточить власть в своих руках.

– Спасибо. Александр, надеюсь, все пройдет удачно. Сейчас они нам нужны, а в будущем думаю, что мы с ними схлестнемся.

– Вы будете в сфере интересов СССР, значит, наши руководители помогут именно вам, тебе Тодор.

– Мы еще встретимся в будущем?

– Ну, когда станешь во главе Болгарии, может, не забудешь полковника Кольцова и пришлешь ему приглашение, например, на 10-летие победы в войне.

– Ох, хорошие перспективы ты мне пророчишь, значит, к 1955 году я возглавлю страну.

– Кстати, у вас же в Болгарии живет сильная провидица, кажется в селе Петрич на юге страны, а зовут ее Ванга.

– Есть такая девушка, на счет сильной не знаю, но известностью пользуется.

– Сильная, Тодор, сильная она, думаю, что будешь и ты пользоваться ее услугами в будущем.

В селе Берковицы мы нагнали стоящую там нашу немецкую группу. Немцы теперь переоделись в советскую форму и, дожидаясь нас, готовились присоединиться к общей колонне. За шесть часов пути мы прибыли практически к стенам Софии, красивому старинному балканскому городу, остановившись в небольшом селе Костинброд, не доехав до столицы всего

лишь десять километров. Живков с болгарскими товарищами, Сергеем Орловым и для подстраховки вторым радистом Игорем Печерициным, десятком здоровых бойцов из разведбата вместе с Киричевым, ушли в город. Мы же ждали отмашки от них, чтобы поддержать восстание, если это потребуется. Вечером, сидя возле костра, где пеклась картошка, несколько ветеранов бригады разговаривали о нашем житье-бытье.

– Хорошо нас встречают болгары. Вон парни хороводы водят с болгарской молодежью, как будто и нет войны. Да и к нам с уважением отнеслись, – говорил Саня Лавриков.

– Знаешь, что я скажу по этому поводу.

«Очень интересно, что ты скажешь по этому поводу, давно ты, Александр Батькович, не вел, как ты шутишь, среди нас разъяснительную работу, чтобы мы росли над собой», – подключился к беседе наш главный политработник Горяев.

Подшло еще несколько человек, присев возле костра: Ольга с Романом Конышевым сели рядом друг с другом, Лена Чехлова, Алена Руднова с Ирой Осинной и другие.

Я продолжил высказывать свои соображения: «Маленькая страна Болгария, славяне живут в ней, но все же, кто они нам братья или нет? Если посмотреть в историю веков, то многие обстоятельства заставляют усомниться в существовании какой-то исключительной любви болгар к России и русским. Даже взять позицию Болгарии в этой войне. Нет никакого "славянского братства", а есть только желание маленькой страны оставаться в стороне от чужой драки. Вместо того, чтобы примкнуть к нам в 1940 году, болгары примыкают к немецкому блоку, как к более перспективному и находящемуся на подъеме, как-никак пол Европы нагнули. Примерно так же обстояло дело в ходе войны 1877–1878 годов, когда Россия тоже освобождала Болгарию от турецкого «ига». Если почитать воспоминания русских генералов, того же главнокомандующего русской армией генерала Тотлебена, то он пишет: «Освобождение христиан из-под ига – химера. Болгары живут зажиточнее и счастливее, чем русские крестьяне; их задушевное желание – чтобы освободители по возможности скорее покинули страну», а в Первую мировую войну, словно в насмешку над теорией панславизма, Болгария, как и сейчас, выступила на стороне Германии.

– Ну, это же правительство так, сам-то народ к нам дружелюбно относится.

– Конечно, в первую очередь это касается правящей верхушки, но верхушка посредством пропаганды формирует общественное мнение народа своей страны. Самый яркий пример тому тот же Гитлер – ярый фашист. По его приказу уничтожены миллионы людей, но самому германскому народу он дал много: землю, рабов-славян, достаток, правда, попутно убивая или запирая в концлагеря несогласных немцев, но так любая власть делает. В итоге, остальные немцы искренне стали считать себя избранной расой, проводя на территории покоренных стран натуральный геноцид местного населения, особенно, что касается славян. План «Ост», то есть «Восток» по-нашему, подразумевает практически полное уничтожение славянского населения, оставляя лишь необходимое число для obsługi и тяжелых работ. Все пошли бы под одну косу: и поляки, и русские, и белорусы, и украинцы, и чехи со словаками, просто в разное время, одни бы раньше, другие позже. Концлагеря фашистов тому свидетельство.

Если постоянно не зомбировать население, то простому народу вообще нет никакого дела до других. Если ты нормальный человек, то ты и относишься к русскому, англичанину, румыну, немцу спокойно и доброжелательно. Мы же сейчас даже братаемся с партизанами, коммунистами, просто доброжелательно настроенными людьми из тех же румын, болгар, поляков, чехов, немцев. У нас есть целые дивизии, батальоны, эскадрильи чехов, французов, поляков или немцев. Но, увы, политика государства и отношение обычных людей – разные вещи.

– То есть, нет славянской дружбы.

– Вот сложный вопрос, и однозначно не ответишь. Мы все вместе воюем против врага, поддерживая друг друга, то есть пришла большая беда, славяне объединяются, значит, дружба есть. Но когда придет мир, то очень многие славяне, сами смотрите на проводимую этими сла-

вянскими государствами политику, тянутся скорее к Англии или Германии, чем к России. А в повседневной жизни славяне вообще разобщены, пришла беда к соседу, и, ладно, главное, что у меня все хорошо. В этом нам надо учиться у небольших народов: евреи, наши кавказские или азиатские народности сразу объединяются против любой напасти со стороны других народностей, только у нас каждый сам по себе. Раньше, в старину, славяне жили родами, то есть большими семьями, члены которых поддерживали друг друга. Теперь же мы стали жить маленькими семьями, и, зачастую, каждый сам за себя. Есть всякое у славян, есть и дружные семьи или просто друзья, но тенденция к разобщению налицо. Если за границей в тех же капстранах руководители как-то защищают интересы своих граждан, точнее сказать, не ущемляют их так явно, принимают полезные законы, которые выполняются, то у нас все неоднозначно. В СССР о законах государства ничего плохого не скажу – все, что принимается под руководством партии большевиков и товарищем Сталиным, по мере возможности, принимается и реализуется для людей (еще не хватало, чтобы меня за критику Сталина посадили). Я говорю о том, что в личных отношениях, когда эти законы применяются на практике, власть имущие часто ведут себя по отношению к простым гражданам, как бояре к покоренным холопам, используя в своих личных целях должность, знакомства и так далее. То есть славяне своих же славян и угнетают.

«Все-таки ты неправ, Александр, и война тому показатель», – сказал Горяев.

– Я же сказал, Владимир Тимофеевич, что лишь большая беда может сплотить славян, и тому пример эта война.

Подросла картошка и мы, как в детстве, доставали ее, обжигаясь и перекидывая из ладошки в ладошку, чистили, и ели с купленными у местных селян салом и солеными огурцами. Каждый думал о своем.

«Александр Павлович, – стали спрашивать наши девушки, – а что за предсказательница тут живет, Ванга зовут, расскажите?»

«Все-таки проболтался мой шофер! Ну, попадется он мне, пешком отправлю к Ванге! – сурово посмотрев на Славика, сказал я. – Тогда слушайте историю об этой женщине. У нее сложная и тяжелая судьба. Говорят, что она была изнасилована в ранней юности, что отложило серьезный отпечаток на ее психику. Потом она ослепла, но взамен у нее проявился дар провидения, и она стала предсказывать будущее людей. Есть предположение, что перед войной даже Гитлер лично был у нее, и ему она сказала, чтобы не лез на Восток, ибо это будет началом его конца. Правда это или нет, я не знаю доподлинно, но предсказание скоро сбудется. А был ли Гитлер или нет, точно может ответить только сама Ванга, если захочет».

«Александр, а что наука по этому поводу говорит?» – спросил Горяев.

– Наука на современном этапе развития бессильна объяснить этот феномен, какие бы профессора бы за это ни брались. Для того, чтобы объяснить и грамотно описать результаты, нужно самому видеть энергии, из которых состоит тонкий мир и понимать законы их движения. Сейчас люди изучают рентгеновские лучи, радио и электромагнитные энергии, а в будущем должны научиться видеть и анализировать более высокочастотные излучения. Ванга же видит тонкие энергии, слышит ответы на свои вопросы из околосемной ноосферы, то есть принимает и дешифрует энергии мыслей. Правда, она необразованна и многого не понимает, а только чувствует, но, что вы хотите от простой крестьянки. Однако, она научилась и пользуется этими умениями, помогая людям.

– Ну, а если ее, как шарлатанку, изобличат?

– Раньше таких сжигали на кострах, как ведьм, так что все это было, разоблачали их. Но давайте говорить объективно – ей, по большому счету, до лампочки, что будут говорить и изображать из себя эти «светила» науки, разоблачая ее. Все – и правители, и бедные люди будут идти к ней, несмотря на всякие разоблачительные мнения каких-то авторитетных ученых. Если на данном этапе ученый не понимает чего-то, то это же не означает того, что этого нет в природе. Придет время, и люди изобретут приборы, которыми можно будет увидеть душу

человека, его мысли, назовем их, например, энцефалографами. Досадно то, что тем ученым, которые ошибались, уводя науку в сторону от истины, так и оставят все их научные звания профессоров и академиков, вместо того, чтобы лишить их за «лжеоткрытия».

– Товарищ командир, давайте съездим к ней, когда еще такой шанс будет-то?

– Это 150 километров отсюда, путь не близкий, однако. А вы уверены, что она примет вас? Представьте себе, что к вам припрется толпа в 7000 человек и начнет вас доставать со своими вопросами, каково это?

Смех был мне ответом.

– Раз смеетесь, то, как я понял, вы уже представили себе очередь из бригады, раз 10 обернутую вокруг ее деревни, во главе с нашим атеистом Владимиром Тимофеевичем. Есть хорошая мысль из народного фольклора о том, как относится к жизни человек, смысл которой примерно такой: «Женщина-феминистка – до первого достойного мужа, коммунист – до первого личного капитала, а атеист – до первой бомбежки».

Снова прозвучал взрыв женского смеха и возгласы одобрения.

– Поясни Александр, что ты имел в виду, говоря про коммунизм?

– Поясняю, Тимофеич. Вот ты, обычный человек, и все делаешь сам, и семья у тебя такая, жена и дети сами ведут хозяйство. А вот взять профессора московского или командира высокого ранга, так ему и домработницу, и спецобслуживание, и личный автомобиль с шофером подавай, хотя он коммунист с большим стажем и настоящий советский человек по анкете, как говорится, «не был, не замечен, не совершал»! А разве мы сами не шептали «Господи прости!», когда рядом бомбы падали?

– Злой ты человек, не веришь в людей.

– Не верю! Вот тебе, Тимофеич, наглядный пример коммуниста командарма Голубева, кстати, это бывший командир армии, в которой я служил под Белостоком, правда, я его тогда и в глаза не видел. Помните, я вам рассказывал о нем и других таких командирах для того, чтобы у нас такого в бригаде не было, или коммунист командарм Власов. Первый – это потенциальный предатель, попадет в плен, как только увидит угрозу своему животу, всё и всех выдаст, а второй явный, хотя был на очень хорошем счету. Так что не все те, кто числится коммунистом, ведут себя так, должны по совести. Ты сам это прекрасно понимаешь и видишь. Многие настоящие по духу коммунисты мертвыми на полях сражений лежат, потому что в первых рядах встали на пути у врага. Вот как-то так я думаю. Ладно, уговорили, товарищи атеисты, самому интересно Вангу увидеть. Все равно стоять здесь будем дней десять, так что организуем выезд в Петрич.

Глава 3. Мы меняем власть

Часов в 11 вечера вышел на связь Орлов: «Кольцо, это Орел, требуется поддержка!»

Радиограмму с таким содержанием мне принес Чайкин. Срочно к столице выдвинулись мотоциклисты с Самсоновым, за ними ехали я, Ледков, Конышев, Воронов на легковых автомобилях, а следом по дороге катила колонна колесных грузовиков со штурмовым батальоном Микулова. Связь обеспечивал Бушин с целым взводом радистов.

Прибыв к штабу заговорщиков, то есть руководителей Отечественного фронта Болгарии, сразу включились в работу штаба. Сам штаб напоминал растревоженный муравейник или улей. Несмотря на то, что заговорщиками уже была проведена вся подготовительная работа, операция по свержению действующего правительства полностью спланирована, все равно говорили все разом, решая с чего начать. Военный министр Маринов, который наверняка мог командовать и прекратить этот горячий южный бедлам, сейчас был с членами Правительства. Голос политика Кимона Георгиева, который что-то уточнял у генерала из своей партии «Звено» Дамяна Велчева, монархиста и идейного антисоветчика, заглушал голос лидера коммунистов Тодора Живкова, раздающего последние указания своим командирам. Через 5 минут у меня разболелась голова от общего гомона «ни о чем» и вопросов, задаваемых мне одновременно несколькими командирами партизан.

При этом я лишь подумал об одном: «Интересно, как проходят такие совещания у итальянцев, турок или греков, если у них даже по пустякам рот не закрывается». Такое же состояние было и у моих товарищей.

Я хлопнул по столу и сказал: «Товарищи, прошу минутку внимания. Все вами уже определено, значит, еще раз пройдемся по конкретным задачам каждого отряда и выдвигаемся штурмовать. С нами прибыл взвод радистов, которые будут направлены в каждый ваш отряд, поэтому прошу доводить им результаты хода операции, чтобы они сообщали в штаб, который примет решение, нужна ли вам силовая поддержка или все итак идет успешно. Наш штаб станет координационным центром, здесь же будет и резерв из 200 штурмовиков. Предлагаю, будущим лидерам государства остаться здесь для управления восстанием. Как только прояснится ситуация и путь будет расчищен, тогда вы скажете свое слово непосредственно в здании Правительства при аресте действующих государственных лидеров. Итак, давайте коротко пройдемся по боевым задачам, и выдвигаемся на исходные позиции. Вопрос, как поведут себя правительственные войска, охраняющие премьера, будут ли защищать?

«Правильно, а то слишком много мы говорим, а дело стоит. Как себя поведут войска, хм, отдельные командиры могут оказать серьезное сопротивление», – высказался генерал Велчев.

– Значит, будем жестко подавлять.

Ночью бригадные армейские подразделения вместе с отрядами партизан оппозиционных сил концентрировались возле штаба повстанцев и по команде выдвигались на захват ключевых мест в Софии. Наши бойцы под командованием наших командиров вместе с конкретными партизанскими отрядами захватили такие объекты, как военное министерство, министерство внутренних дел, телеграф, радиоузел, железнодорожный вокзал, блокировали королевский дворец и здание парламента, казармы двух ненадежных армейских полков.

Ко дворцу был направлен парламентар, командир болгарского отряда. После разговора со старшим караула он махнул нам рукой. На площадь потекли потоки вооруженных людей численностью человек в пятьсот, и выкатилось несколько мотоциклов с пулеметами. Тут же появились и огнеметчики с Абдуловым. Судя по облегченным лицам охранников, те сразу осознали всю мудрость принятого их командиром решения не сопротивляться.

Так что охрана дворца не оказывала сопротивления, за исключением отдельных групп на этажах. Их уничтожили ворвавшиеся бойцы болгарского отечественного фронта. Когда путь

был свободен от охраны, радисты связались с центром и к зданию срочно подъехали лидеры оппозиции.

«Что там случилось? Господа, откуда эта стрельба? Вы посмотрите, что творится на площади, ее заполнили тысячи солдат. Что это?!» – восклицал Муравиев, подбежав и смотря в окно кабинета.

– Похоже, это восстание, господа, сейчас нас придут арестовывать!» – проговорил довольный Маринов.

– Чему вы радуетесь, Маринов. Предатель!

Через несколько минут в кабинет, с находящимся там руководством страны, вошли новые лидеры Болгарии. Вместе с ними поднялся и я со своими командирами и несколькими бойцами, чтобы посмотреть на бывших лидеров страны, ну и оказаться причастными к истории.

– Господа, вы арестованы!

После этих слов Георгиева в кабинет стали входить солдаты «Фронта» для ареста низложенного правительства. Маринов остался в кабинете с восставшими.

Нужно отметить, что для нашей бригады этот переворот прошел бескровно. В местные разборки она не лезла, боевые действия не провоцировала, запуская вперед болгар, сами оставаясь на подстраховке. Так что, мы сделали главное, вместе с болгарями обеспечили блокирование дворца с прилегающими кварталами и находящегося недалеко пустого здания Парламента и сменили правящий режим. Да, и советское правительство не форсировало события, дав возможность проявить себя болгарским лидерам.

Утром по радио выступил Георгиев: «Фашистское правительство Муравиева низложено. К власти в стране пришли демократические силы. С полным осознанием того, что Отечественный фронт является истинным и полным голосом народной воли, он принимает в этот роковой час для страны, всю полноту власти, чтобы спасти нашу любимую Болгарию от разрушения и краха!»

После этого обращения Георгиева по радио, главнокомандующий Народно-освободительной армией Добри Терпешев отдал приказ всем партизанам брать власть в стране в свои руки. Несколько дней в стране полыхали кровавые столкновения со сторонниками старого режима.

– Ну, что ж товарищи, скоро будет новый виток борьбы за местную власть. Через несколько лет Георгиева снимут, а станет...

– Кто?

– Кто?! А, ехавший с нами командир партизан Тодор Живков, кстати, его дочка станет подругой племянницы Ванги.

Связавшись с оставшейся в Питешти нашей частью, я приказал им сворачиваться и выдвигаться в Софию. Раненые в бою у моста были отправлены в наш госпиталь в Питешти, где после оказания им возможной помощи всех бойцов с серьезными ранениями отвозили в армейские госпитали для эвакуации в СССР, а легко- или больные путешествовали с нами дальше. Хотя, объективно говоря, нынешние бои из-за нашего численного и технического превосходства против незначительных немецких группировок, были достаточно малокровные, не сравнить с 41-м годом. За три боя мы потеряли убитыми не больше 50 человек и человек 200 были ранеными: из них человек только 30 тяжелых, не более 70 бойцов требующих временного постельного режима, остальные уже вернулись в строй. Механическая мастерская восстановила и ввела в строй 15 танков, а также несколько БТРов и грузовиков, попутно конфисковав в городе, целую военную технику и грузовики. Так что, бригада усилилась восстановленной техникой и вся эта группа двинулась на соединение с нами.

9 сентября нашим войскам было приказано прекратить боевые действия в Болгарии. Весь день бригада занималась наведением марафета на технике и личной униформе. На следующие сутки подошла наша часть бригады из Питешти и Крайовы.

Горяев толкнул речь: «Товарищи бойцы, нам, освободителям Болгарии, доверена честь пройти парадным строем по улицам столицы страны Софии. Выполним это почетное мероприятие достойно!»

Прибывшие бойцы отдыхали, а остальные помогали готовить технику к параду. Болгары приносили полевые цветы, которые мы крепили к зеркалам и капотам машин. На каждой первой единицы техники в колонне будь то танк, БТР или грузовик был красный флаг. На первой легковой машине везли знамя бригады. Бойцы надевали медали и ордена на свои гимнастерки или кителя. Я ездил в Софию, где пообщался с Тодором и лидерами партий, дав понять, что бригада желает пройти парадным маршем по Софии вместе с болгарскими партизанами. Согласие на это историческое событие было получено.

На десяти грузовиках и броне нескольких танков были рассажены бойцы народно-освободительной армии Болгарии, а впереди на трех военно-полевых джипах «Хорьх» со снятым брезентовым тентом с флагами Болгарии ехал сам Живков и несколько командиров партизанских отрядов. За ними ехало руководство бригады на таких же «Хорьхах» и двух «Виллисах». Мы проезжали по улицам Софии, а народ очень доброжелательно, с радостными криками встречал нашу колонну. В машины и мотоциклы летели букетики цветов. Бойцы махали в ответ руками, посылали девушкам воздушные поцелуи. Машины ехали медленно, так что наши девушки из бригады, все нарядные, с прикрепленными медалями и орденами, с бортов грузовиков успевали касаться приветственно тянущихся рук болгар. У многих наших людей и болгар были на глазах слезы. Наши фотографии снимали и с машин, и из народа нашу колонну.

Колонна остановилась, когда перед моей машиной вышла нарядная болгарка и, улыбаясь, протянула вперед на вытянутых руках своего примерно двухлетнего сынишку. Мне ничего не оставалось сделать, как выйти из машины тоже, взять малыша на руки и поцеловать в лобик. Защелкали фотоаппараты, снимая русского офицера, целующего болгарского ребенка, а потом держащего малыша у своей груди на руке посередине между собой и его мамой. На следующий день Горяев прибежал с газетой, где под надписью «Советские освободители» была моя фотография, приподнявшего вверх и целующего малыша. И вообще, наше праздничное прохождение очень доброжелательно осветили в прессе.

Толбухин лишь усмехнулся, когда увидел эту газету: «Ну, Кольцов, попал в историю!»

Колонна прошла по центральной улице и площади и ушла из города по шоссе София-Ниш-Белград, встав палаточным городком возле маленького села с поэтичным названием Хераково.

Мехлис шумел: «Что он себе позволяет, этот Кольцов, когда вся Красная армия еще в неделю пути от столицы Болгарии, он парады проводит. А это что за фото, чей это ребенок, вообще, как он оказался у него?»

«Вообще, он, конечно, поторопился, но резонанс от его действий хороший. В Болгарии местные писаки так мудрено закрутили сюжет сего события, вписав участие его штурмовиков в составе сил Отечественного фронта, осуществивших смену власти. Да и само наличие советских войск, прибывших для оказания братской славянской помощи, рядом со столицей, сделало его бригаду героями Болгарии. А эта символичная фотография дружбы советского солдата и болгарской матери с ребенком. Все это очень понравилось народу и усиленно обсуждается в обществе. Как сообщают болгарские товарищи, эта женщина просто почувствовала, что должна выйти и совершить этот символический жест», – дал свои комментарии Молотов.

«Да, хорошее фото получилось», – затянувшись табаком из трубки, сказал Сталин, вспомнив слова Мессинга о Кольцове.

Я же с взводом солдат охраны и всеми нашими дамами отправился к Ванге. Атеист Горяев и многие из комсостава тоже решили познакомиться с этой необычной женщиной. Прибыв на место, ее дом нам указала местная малышня. Зайдя в небогатый домик, встретил ее родных.

«Вы к тёте Ванге, – спросила молоденькая девчушка, – проходите, она вас ждет.

Народ, услышав слова девочки, зароптал.

«Давай командир, ты уж первым иди», – напутствовали меня товарищи.

«Здравствуйте... Ванга, – поздоровался я, – мы советские люди, солдаты, приехали к вам познакомиться и узнать о себе. Как вы, Ванга, примите наших девушек и солдат?»

«Приехал все-таки, пришлец из другого времени, решил повидать бабушку Вангу в юности, – засмеялась она, – приму всю твою камарилью, а потом зайди ты. Хочется мне поговорить с тобой».

– Да, точно, простите, но чуть было не сказал бабушка Ванга, ведь вам сейчас где-то 33 года!

– Я все вижу, пришлец.

«Что, всё?» – таким вопросом встретили меня товарищи.

– Заходи, коллектив, по одному, здоровайтесь, задавайте вопросы, а дальше слушайте, что она скажет, а меня после вас примет. Хорошо, что вы хоть с болгарами общались, ее ответы вам-то понять надо.

Разбиралась она достаточно быстро с народом, кто-то выходил задумчивым, кто-то радостным, потом дошла очередь и до меня.

– Вижу, Александър, что не веришь ты в предсказания судьбы, раньше верил, а потом нашел свой путь понимания законов мира, но, и послушать меня не откажешься?

– Не откажусь, конечно, все-таки увидеть живую настоящую легенду моего времени – это важная веха в жизни.

– Много у тебя испытаний и поворотов будет в судьбе, часто будешь стоять перед выбором своего пути. А раз ты сделаешь именно так, значит, этот выбор для тебя и есть правильный. Будешь ты стоять на распутье между Западом и Востоком, куда повернуть свои стопы, где искать свое место под солнцем. Дают на тебя знания будущего, нет в тебе покоя и радости жизни обычного человека. Но все свое ты возьмешь, а что не сможешь, так, то и не твоё вовсе. Вижу знаком ты с сильным провидцем, он в тебе единомышленника видит, держись его, и меня не забывай, еще предстоят тебе судьбоносные встречи. Помни, что пути Господни неисповедимы, будет то, что будет, а ты делай то, что должно! Тогда все свои задачи решишь. А теперь расскажи мне обо мне в будущем и о самом мире будущего.

Мы проговорили часа два. Оставил я Вангу в глубокой задумчивости от услышанного. Я тепло попрощался с этой женщиной, пожалев, что в ближайшем времени выезд из СССР в гости к ней очень проблематичен. Свободно можно будет ездить лишь в далеком будущем.

– До встречи, пришлец, ты найдешь способ повидать «бабушку Вангу».

«Командир, а чего тебя племянница Ванги пришельцем назвала, мол, живой ваш командир, просто тетя Ванга с пришельцем долго разговаривает», – спросил Коньшев.

– А как ей меня назвать-то еще, пришел, значит, пришлец, может так у них по-болгарски незваных гостей называют.

Мы оставили этой семье обмененных в банке болгарских левов и продуктов.

«Приезжай еще пришлец, бабушка Ванга будет ждать тебя», – засмеялась маленькая проказница.

– Подслушивала?

– Аха!

– Молчи об этом, иначе убьют тебя и бабушку Вангу, и меня. Все поняла, девочка?

– Да, поняла Александър, буду молчать всегда об этом, а что меня ждет там?

– Это у бабушки узнай, я не знаю о твоей судьбе, но в далеком будущем будет у семьи достаток, книгу напишешь про бабушку, а бабушка на свои деньги построит христианскую церковь, правда стены ее распишут образами разных падших адских душ, дружить станешь с дочкой главы государства.

На этом мы расстались, я уселся в машину, поднеся палец к губам, показывая знаком «тссс», а девчушка ответила мне таким же знаком. Позже у Ванги побывало еще человек пять-сот из желающих, всех из которых она приняла.

Пока мы ездили к Ванге, основной коллектив посетил представление на главной площади города, которое показывали концертные бригады из несколько городов.

– Товарищи, вы бы видели, как джигиты танцевали кавказскую лезгинку!

– А кто был: дагестанцы, осетины, чеченцы, просто, лезгинки у всех народностей немного отличаются?

– Ой, все были, а еще были наши давние знакомые с Ростова и Саранска, а еще украинские коллективы с Крыма и Одессы.

– Ну вот, не удалось нам увидеть представление, досадно, зато мы у предсказательницы были.

Вот такие разговоры встретили нашу группу, вернувшуюся от Ванги. Между тем жизнь в Болгарии менялась, власть в стране перешла в руки правительства Отечественного фронта, государственный аппарат освобождался от ставленников фашизма. Премьер-министром стал Георгиев, устроивший все страны большой тройки: СССР, США и Англию. Создавалась народная милиция, проводились демократизация армии и превращение ее в Народную революционную антифашистскую армию. Пришедшее к власти правительство объявило войну Германии, и армейские соединения численностью примерно в 200 тысяч болгарских воинов готовились к сражениям против войск вермахта на территории Югославии и Венгрии вместе с советскими войсками. Между тем, только 16 сентября советские войска вступили в столицу Болгарии.

Бригада пополнялась новобранцами и нашими бойцами, возвращающимися в строй из госпиталей. Перед построенным пополнением я толкнул речь о том, как им повезло служить в нашей бригаде, закончив речь пожеланием о том, что в службе они проявят себя только с лучшей стороны.

Где-то наверху решили, что раз у нас есть чешские и польские дивизии, то нужно укрупнить и немецкую часть. Наш немецкий батальон был преобразован в дивизион из 4 батальонов по 805 человек. Из них, один батальон оставался ремонтным, один становился танковым из 65 танков и два штурмовыми. К нам стали прибывать немецкие коммунисты и социалисты, набранные из военнопленных после соответствующих проверок. Все новички и ветераны попадали под жесткий пресс команды учебного центра, которым командовал майор Кирилов.

После построения было проведено организованное Горяевым собрание партийного актива бригады. На нем Иван Грачев принимал в члены ВЛКСМ молодых ребят, кто по разным причинам еще не был комсомольцем, а затем Горяевым и Филипповым были выданы книжечки новым членам коммунистической партии. В ряды ВКПб было принято больше сорока солдат и офицеров нашей бригады. После всех этих мероприятий я вышел подышать свежим вечерним воздухом.

«Товарищ гвардии полковник, вы нас не узнаете?» – спросили две подошедшие девушки в звании рядовых, у каждой из которых на груди были орден «Красной Звезды» и медаль «За оборону Ленинграда».

Я пригляделся: «Неужели наши радистки-разведчицы Наталья Викторина и Ольга Василевская, какими судьбами и за что ордена получили-то?»

Говорила Наталья: «Ой, после того, как вы нас оставили в разведшколе, все девчонки договорились, что, когда началась стрельба, все мы спрятались уборной комнате и нас просто не стали искать, а русские расстреляли только тех, кто «остался в казарме или выбегал на улицу. Нас проверяли, но, наверное, наши показания сходились и нас решили использовать дальше по назначению. Нас перебросили под Ригу и готовили еще месяц, а потом забросили в тыл в Ленинград. Напарников не было, мы работали одиночками, но мы сразу обе пришли в НКВД Ленинграда, сообщив о вас, о себе, и, с их помощью, попали в 67-ю армию. Здесь

мы передавали подготовленную разведкой фронта дезинформацию, а заодно, предоставили описания на пятьдесят две готовящихся в разведшколе агентесс абвера, которые учились с нами под Ригой. Вот за эту работу мы и получили ордена».

«А дальше, по какой причине мы не знаем, но нас перестали использовать в радиоигре с фашистами и перевели в канцелярию тыловой части в Ленинград. Вот, мы и попросились с Наташей оформить перевод на фронт к вам в часть» – продолжила Ольга.

– Ну что ж, красавицы, вы знаете, как учат немцы, школа радиоподготовки у вас немецкая, значит определим вас к капитану Размазнову, будете служить у него и участвовать в «радиоиграх» против немцев.

Подошел Коля Кириллов, с ним пришлось обсуждать план подготовки бойцов в новых условиях. Кстати, в бригаде нашлось несколько человек, кто до войны занимался альпинизмом и скалолазанием. Поэтому, были введены теоретические и практические занятия по правилам ведения боевых действий в горах: все дни наши силовики учились воевать в горах, занимались получением первичных навыков скалолазания с помощью рук и веревочной страховки, маскировки и штурму 300-метрового перевала, к которому приходилось бежать примерно семь километров в полной боевой выкладке. Командиры батальонов возглавляли все это мероприятие. Я также бегал с остальными и учился, когда удавалось переложить руководство бригады на Горяева, то есть каждый день, пока мы отдыхали. Обычно нас сопровождали ватаги болгарских мальчишек, когда десантники или штурмовики бежали в горы и там совершали свои маневры. В бригаде быстро прижилась запущенная мной шутка «Война – херня, главное маневры».

Вообще, осень с ее фруктами и овощами на юге – сказочное время. Мы меняли в Софии рубли на болгарские левы, и все продукты покупали у населения, разбавляя свой рацион, так что цинга нам не грозила.

Большое внимание уделялось снабжению бригады. Филиппов, Боголюбов старший, уже капитан Георг Суменов, все командиры подразделений по своим направлениям затаривались на складах фронта всем необходимым для полноценного функционирования бригады: ЗИПом к радиотехнике и автотранспорту, вооружением и боеприпасами, камуфляжем, парашютами, ГСМ, медикаментами и продовольствием, беря приступом тыловую службу фронта в лице начальника службы подполковника интендантской службы Лады Альбертовны Юрчуковой. Ко всему прочему, еще в Крыму мы за наличный расчет заказали на обувной фабрике для наших десантников и разведчиков берцы – намного более удобную обувь, чем кирзовые сапоги, планируя в перспективе, переобуть всю нашу бригаду в эти шнурованные полусапоги в летнем варианте. Идею и дизайн предоставил я, а лекала мастерили уже профессиональные обувщики. Но пока такими сапогами были обеспечены лишь два батальона.

Кстати, мы стали поставщиками эксклюзивных фруктов и овощей: малины и клубники второго урожая, разнообразного винограда, арбузов и дынь, сочных помидоров и зелени девушкам в отделы штаба фронта, как говорится, «не помажешь, не поедешь». Это шутка! Просто, нам было нетрудно достать все это, а им приятно и вкусно. С другой стороны хорошие отношения с сотрудницами и их начальниками позволяли решать вопросы быстро и конструктивно. Отделы Юрчуковой, Яковлевой, Коробовой и Ростовцевой в купе с их начальниками, всегда шли навстречу нашим рабочим пожеланиям и оперативно, в первую очередь, отрабатывали наши заявки. И сами мы от души все это лопали.

Будучи в штабе фронта наткнулся на Ольгу Кирову.

– Ольга, вот так встреча, вы великолепно выглядите, какими судьбами заграницей-то?

– Александр, очень приятно за комплимент, но, как это какими. Мы за нашими войсками идем. Я и в Кишиневе была, и в Бухаресте, вот теперь до Софии добралась, а скоро будем в Белграде с целым десантом специалистов и горой оборудования! Я как раз и занимаюсь организацией радиовещания в освобожденных нашими войсками странах. А как же не будет советского радиопередатчика в этих странах – обязательно должен быть! Вы же понимаете, что радио в наше

время – это самый доступный способ распространения информации, а кто владеет информацией, тот управляет реальностью.

– Конечно, полностью с Вами согласен, но, а, как же, телевидение и кино?

– Кино – это кино, а вот мы уже стоим на пороге активного развития телевидения в нашей стране.

– Я уверен, что за телевидением намного большее будущее, чем даже за радио, ибо, люди воспринимают информацию по-разному, кто-то лучше на слух, а кто-то визуально. Но, телевидение за счет своей наглядности будет оказывать огромное влияние и воздействие на людские массы.

– Увы, Александр, все тормозится войной и разрухой. Нет у людей сейчас такого достатка, чтобы покупать телевизоры, да и выпускают их пока очень мало. И самих телепередач мало.

– А где же ваша постоянная спутница и помощник Лера?

– Ой, она где-то в штабе решает вопросы.

– Ну, может быть, и в нашу часть заедете, мы базируемся по такому адресу, на природе, но у нас там здорово: природа, фрукты, свежий воздух.

– Александр, а вы уже осмотрели Софию?

– А как же, и кучу фотографий уже сделали фотографы бригады, где я сам и с товарищами.

– Мы тоже погуляли по старой Софии.

– А в штабе фронта, что вы хотите узнать?

– Как же, Федор Иванович Толбухин является председателем межгосударственной советско-болгарской комиссии, а организация и согласование с новой болгарской властью советского радиовещания в его компетенции. А с главным связистом фронта определяем технические вопросы.

– Понятно, Оля, а вы к местной предсказательнице по имени Ванга еще не ездили? Обязательно побывайте у нее, вам всем будет интересно.

Как я узнал при следующей встрече, по моей рекомендации у Ванги побывали Ростовцева с подругами, Кирова с Александровой и Сагаевой, другие представители прессы и радио, отправившись туда большой дружной компанией. Что же, когда пройдет много лет и Ванга станет очень известной бабушкой, эти встречи будут особо вспоминаться их участниками. В любом случае, к предсказаниям я перестал относиться с большим пиететом. Как мыслим, так и существуем, а значит, свое будущее мыслями можно формировать самому, только делать это настойчиво. Не зря же те, кто от души чего-то хотят, часто получают искомое.

Распрощавшись с Кировой, я вышел на улицу, где столкнулся с женским коллективом из штабного руководства фронта Ростовцевой, Коробовой, начфином Яковлевой и Юрчуковой, что-то обсуждающих, стоя напротив витрины магазина с одеждой.

– Какая встреча, дорогие дамы, если вы совершенно свободны в ближайшее время, то предлагаю совершить небольшую познавательную экскурсию по центру Софии в поисках еще магазинов и приличного ресторана, где можно вкусно пообедать, отведав национальную болгарскую кухню. А дальше вы снова приступите к выполнению своих очень важных дел.

В итоге, мы совершили прогулку по центральной исторической части города, сделали фотографии, пообедали в дорогом ресторане, после чего все разошлись по своим делам.

Наш штаб плотно работал с начальником разведки фронта Лозиным и начштабом фронта Бирюзовым. Несмотря на то, что мы были незначительным соединением в численном количестве в масштабах фронта, задачи перед нами ставились серьезные. Хотя, как сказать незначительным, например, из Видина ударный кулак 4-го гвардейского корпуса, наступающего на Белград, составлял 160 танков, а у нас было 130 танков в бригаде, а вот в численном выражении нас даже в упор могли не заметить на фоне стотысячной 57-й армии. Недогаров представил разработанный штабом план операции, где предлагали свое видение в использовании

потенциала бригады. Данный план Бирюзовым был подкорректирован, после чего утвержден Толбухиным.

Перед строем я ставил задачи радиодивизиону: «Товарищи бойцы и командиры! Все вы бывалые радисты и инженеры, поэтому знаете, что в горах хорошей радиосвязи эти самые горы мешают. Значит, для того, чтобы успешно давить немецкую связь, которая столкнется с теми же проблемами, мы должны занимать господствующие высоты ближе к линии фронта, а значит, быть уязвимыми для немецких самолетов или орудий, но тут уж ничего не поделаешь.

В связи с этим мы с командирами по всем радионаправлениям – Чайкиным, Бушиным, Кириловым, Орловым, Олегом Трофимовым и Размазновым разработали программу подготовки по действиям своих подразделений в горах. Так что приказываю через час прибыть на ежедневные тренировки по выбору позиций, развертыванию техники, ее и своей маскировке и так далее. Орлов и Размазнов – вам надо при подготовке особое внимание уделить подготовке к действиям в горах мобильным группам радистов и мобильной пеленгации, которые пойдут вместе с штурмовыми частями группы № 2, чтобы они имели четкие наработки о возможностях своей аппаратуры именно при работе в горной местности.

За эти дни по договоренности с авиацией штурмовики совершили по два прыжка с парашютом в предгорьях хребта Старо Платина. Были и подвернутые ноги, и разбитые руки с коленями, но, в общем, тренировки прошли удачно и на пользу, бойцы «почувствовали» горную землю и воздух между горами. Саперы тренировались прокладывать путь для техники по горным речкам. Наступление на Югославию ожидалось со дня на день.

Глава 4. Балканский рубеж

Общая обстановка к началу сентября 1944 в Югославии была следующая. На территории страны дислоцировались немецкие войска группы армий «F». Кроме того, силы коллаборационистов и националистов насчитывали около 270 тысяч человек, включая подразделения венгерской армии, вооруженные фашистские формирования усташей, ратующих за «независимое» хорватское государство, четников – партизан монархического толка, сотрудничавших с немцами и националистами, русский белогвардейский корпус, сербский добровольческий корпус СС и Недичевский сербский охранный корпус, мусульманскую милицию, а также украинскую дивизию СС «Галичина».

До осени 1944 года сербские добровольческие команды СС боролись против партизан под командованием Иосипа Броза «Тито» и усташского произвола, заключив мир с четниками. В своих действиях сербские эсэсовцы вскоре достигли значительного успеха и получили признание за грамотные действия против коммунистов и хорватских националистов даже среди немцев. Белградская группировка гитлеровцев имела на вооружении около 2 тыс. орудий и минометов, 150 танков и штурмовых орудий и 350 самолетов, насчитывая около 200 тысяч человек.

Генеральный план наступления, разработанный штабом фронта, утверждался в Москве. Туда же для согласования действия югославской народно-освободительной армии в 20 числах сентября прибыл и товарищ Тито.

На заседании штаба фронта Бирюзов доводил диспозицию частям, входящим в состав фронта: «В преддверии общего наступления, товарищи командиры, 17-й воздушной армии поручается всеми силами препятствовать выводу немецких войск группы армий «E» из Греции в Югославию. Для этого, в период с 15 по 21 сентября необходимо организовать постоянные авианалёты на железнодорожные мосты и другие важные объекты в районах городов Ниш, Скопье и Крушевац. Остальным частям, в том числе, и болгарским армейским группам, привести войска в повышенную боевую готовность и прибыть на исходные позиции к границам Югославии».

Всем командующим были розданы запечатанные пакеты с конкретными задачами, ставящимися перед каждой частью, которые следовало вскрыть в час «X» по общей команде.

28 сентября наступление из района Видина в направлении на Белград начали войска 57-й армии под командованием генерал-лейтенанта Н. Гагена, имея кроме стрелковых частей 4-й гвардейский механизированный корпус – главную ударную силу прорыва. С сухопутными частями в полной мере взаимодействовали югославский народный корпус и Дунайская военная флотилия, которая осуществила переброску по воде десантов с боевой техникой в Радужевац и Прахово, окружив позиции германцев.

Нашу бригаду разделили на первую и вторую ударные группы. Общее командование группой № 1 поручалось Вадиму Недогарову, с ним оставались Клепченко, Горяев и Чайкин, командующие нашими «стационарными» службами. В состав группы были включены два взвода химиков, снайпера Семакова, основная часть инженерно-саперного батальона Гаджоева. Пехотную поддержку танковой группе осуществлял немецкий штурмовой батальон Шульца и две роты разведчиков Пронина и Штакова. Ударную группировку составил мехбатальон Воронова и немецкого командира танкистов Флоэ общей численностью в 130 танков и самоходных орудий при поддержке артдивизиона Яценина. Эта группа придавалась для усиления 131-й стрелковой дивизии из состава 57-й армии. Вместе с дивизией шла 1-я армейская группировка болгар. Наступали все перечисленные части на второстепенном направлении на город Ниш через болгарские Балканы. Накапливались эти части в районе приграничного города Драгоман. Также на соединение с югославскими партизанами был выдвинут советский

югославский корпус, сформированный из югославских граждан, проживавших в Советском Союзе, и военнопленных, которые служили в немецко-фашистских войсках по мобилизации. В его состав входили полностью снаряженные и обученные в СССР в течение 1943–1944 годов пехотная и две танковые бригады, рота связи и два авиаполка.

Группа № 2 состояла из десантного батальона Гавриленко, четырех штурмовых батальонов Лосева, Лаврикова, Микулова и Мая, двух рот разведчиков и взводов снайперов Бурята, радистов Орлова, радиоподавления Бушина, минеров Донова, саперов Ирхина, химиков Абдулова, медиков и тыловиков Тяпова и Боголюбова. Также был готов сборный взвод артиллеристов и минометчиков, которые потребуются, когда мы захватим пушки или минометы. Был представлен и мозговой центр второй группы: Ледков, Кирилов, Воробьев, Конышев во главе со мной. Таким образом, численный состав группы составлял примерно 5000 человек, которыми руководила половина командного состава бригады, так что, если убьют, то будет кому возглавить группу. Из оружия были ручные пулеметы, десяток противотанковых ружей и десяток трофейных гранатометов, автоматы Судаева и немецкие МР-40, карабины, пистолеты, а у разведчиков и снайперов с глушителем, гранаты, противотанковые и противопехотные мины, несколько надувных лодок. Немцы были в форме войск СС с белыми повязками на рукавах.

Этой группе отводилась роль «занозы» в попе врага, что на сухом языке приказа звучало, как «приказываю оперативной диверсионной группе № 2 блокировать железнодорожное и автомобильное сообщение в направлении Ниш – Белград, лишив противника возможности быстрой переброски войск по железной дороге к фронту через станцию Ниш, и ветке Белград-Сараево, для недопущения переброски войск из Хорватии к Белграду». Для этого всего лишь требовалось занять стратегические железнодорожные узлы Крушевац и Сталач, особенно второй, отвлекая на себя максимально большие силы противника, а затем сковать их позиционными боями.

На последнем совещании командования дивизии и бригады я излагал свое видение тактики боев в горах, больно мне было за бригаду, если ее неграмотно используют: «Товарищ комдив, товарищи командиры, танки в горах – это замечательные мишени для сербов и немцев, поэтому в горной местности действуйте только пехотой, она занимает перевалы, саперы проверяют дороги, после чего подтягиваете танки и бронетехнику».

«Все верно, товарищ комбриг, дивизия так и собирается использовать ваш танковый кулак, не первый год воюем. Так же генерал Гаген действует и на основном направлении у города Видина. Его стрелковые части начали боевые действия, а танки сейчас идут в арьергарде, ожидая простора полей, чтобы им было, где развернуться», – ответил мне комдив.

– В таком случае, я полностью спокоен за вверенное мне подразделение, товарищ генерал-майор», – с улыбкой ответил я.

Рано утром 30 сентября, когда только-только забрезжило восходящее солнце, освещая горные перевалы своим светом, блестя огоньками капель утренней росы на кустарниках и траве, воздух гудел от винтов нескольких десятков транспортных самолетов Ли-5 и сопровождающих их истребителей. Примерно через сорок минут в небе появились темные «грибы» парашютов. Приземлившиеся парашютисты с полностью загруженными двумя рюкзаками, висевшими спереди и сзади бойца, одетые в разгрузочные жилеты, совмещенные с бронежилетами, были похожими на большие круглые шарики на ножках. Ко всему прочему мы должны были подготовить, если потребуется, место для посадки транспортника с продовольствием и боеприпасами.

Дальше началась работа. Женя Киричев сразу поставил задачи комротам разведбата, которые дальше раздавали команды своим парням, определяя бойцам каждой роты их боевые задачи.

Выбросили нас примерно за 45 километрах от Крушеваца в низинах между горами, да и разнесло парашютистов ветром на два-четыре километра, так что еще собирались долго.

Километрах в пяти сзади виднелась цепь двухкилометровых вершин, уже покрытых снежными шапками, а впереди находились 500-1000 метровые горы югославских Балкан. Группы разведчиков с приданными полевыми радистами, быстро разбегались к окружающим нас горам, карабкаясь вверх, чтобы осмотреть местность и вовремя предупредить бригаду в случае опасности. Часа через три группа была готова к движению, то есть, собрана, весь груз разобран, подвернутые ноги нескольких бойцов вправлены и перевязаны нашими врачами, а дальше им помогут товарищи. Одновременно была проведена рекогносцировка местности, взяты ориентиры, и на проведенном коротком совещании выработана общая диспозиция.

Немецкий батальон Карла Мая движется через горы в обход Крушеваца на станцию Сталач, куда сходились две железнодорожные ветки от городов Ниш с востока и юго-запада из Сараево и Приштины. Причем, вести себя он должен был так же, как вели бы себя фашисты, то есть отбирать любые машины, припрягать крестьян и администрацию поселков, чтобы те предоставляли гужевой транспорт, заодно, разоружать местные фашиствующие группы и расстреливать их, как партизан. На случай контактов с партизанами Тито с ними шел Конышев тоже в немецкой форме.

Рота разведчиков Хмельникова с отделением минеров уходила на восток к городку Куршумлия, стоящему на железнодорожной ветке, связывающей Скопье с Нишем. Она должна была провести несколько диверсий на дороге, после чего отступать к Крушевацу, особо не ввязываясь в бои.

Основная часть группы выдвигалась через горы на Крушевац, который надо было захватить, укрепиться в нем, и дальше максимально возможной численностью группы выдвигаться на помощь немцам в Сталач.

Вышеназванные группы разошлись по своим направлениям, путь у всех был неблизким от 45 до 80 километров пешком по гористой местности, да еще и тащить на себе килограммов по 20–30 необходимого барахла.

Я двигался в передовой группе отряда, впереди в паре километров шла разведка с радистом с обычной переговорной рацией, потом до взвода солдат авангарда, дальше топало почти 3800 солдат, и сзади шла рота тылового охранения. Передали по рации, что впереди долина и на ней расположено село, которое по всей вероятности и есть Брус, лежащий на пути к Крушевацу.

Когда мы подошли к центру села нас встречали настороженные старейшины. Парни авангарда проходили село дальше, выйдя на грунтовую дорогу, идущую на север, а штурмовики рассосались по селу, проверяя дома на наличие оружия и немецкой формы.

«Здравствуйте, уважаемые, мы бойцы Красной армии, прибыли для освобождения вашей страны от фашизма. В городе есть фашисты или их помощники?» – спросил я.

«Нема нациста, ми смо мирни људи, – ответил пожилой серб, – у Крушевцу стоји Српски V батальон СС хиљада у две особе и артиљерија»

«Чего он сказал?» – переспросил Сергей Ледков.

«Вроде ж понятно говорит? В Крушеваце стоит сербский 5-й батальон СС примерно в две тысячи человек с артиллерией» – ответил я.

«Да, у 2000 и артиллерия», – повторил староста по имени Златко Ибрагимович.

К Бушину подошел один из радистов, они переговаривали, после чего Олег подошел к нам.

– Командир, разведчики докладывают, что пыль впереди, как от скачущей лошади видна, не опала на землю еще.

– Ясно, Олег. Ну, что, Златко, никто из села не уходил?

– Нико није отишао, све овде.

– Значит, говоришь, никто не уезжал из села, все на месте. Ну, Бог тебе судья. Скоро мы возьмем город, и, если я узнаю, что их предупредили, мои бойцы вернуться и расстреляют все село, а тебя на веревке протащат вокруг села, привязанной к той самой лошади, на которой

ты отправил гонца. Из-за твоего предупреждения погибнут мои парни, а они значат для меня намного больше, чем вы все.

«На все воля Божья», – ответил староста.

– Так, значит, считаешь?

На улицу были выгнаны все мужчины, дети и женщины.

– Жители Сербии. Мы пришли освободить вас от фашизма, чтобы вы сами стали хозяевами в своей стране, а вы предупреждаете фашистов о нас, как последние предатели. Чей сын поехал в Крушевац, предупредить врагов о нашем появлении?

Тишина была мне ответом.

– Кто поможет нам, а значит, и вашим сербам в лице партизан Тито, получит 2000 динар. На эти деньги он сможет уехать из этого села и хорошо зажить в Белграде.

Снова тишина в ответ.

«Где ты возьмешь динары?» – тихо спросил Ледков.

– В Крушеваце, где же еще.

Тут из толпы жителей вышел бедно одетый парень, по виду пастушок: «И са новцем не вараш?»

– Не вараш, то есть, не обману с деньгами, даю слово офицера.

– И са вама ће узети фашисте да победи, новац није потребан?

– С нами хочешь фашистов побеждать и денег не надо – тогда собирай вещи, пошли.

– Све на мени.

– Все свое на себе носишь, тогда иди сюда.

Толпа также угрюмо молчала, хотя и стала немного волноваться. Мы переговорили с паренком, в результате чего выяснилось, что село мирное, и никто тут особо не служит фашистам. А вот у старосты и трех семей родственники служат в городе в полиции. Староста послал своего внука на лошади предупредить городские власти. Там действительно стоит два батальона СС. Зовут его Пьетр Васич, ему уже 15 лет, он стал сиротой два года назад, так как его отца убили в партизанах, а мать умерла, и здесь он очень бедствует. Зарабатывает на хлеб, работая сельским пастухом коз и овец.

Бойцы вытаскивали теток из толпы, и так же отдельно я разговаривал с каждой. Они подтвердили слова паренька.

«Ну что ж, Златко Ибрагимович, ты сам выбрал свой путь», – сказал я старосте, – как пособник фашистов ты приговорен к расстрелу, решение окончательное и обжалованию не подлежит».

Чего-то вспомнилась эта фраза, взятая из кино или книги. Достал пистолет и лично привел приговор в исполнение. Отряд же уходил в горы, но уже по дороге.

«Как чувствуешь себя, побывав в расстрельной команде?» – спросил Киричев.

«Никаких особых эмоций нет, то же самое, когда резали часовых. Они тоже были чьи-то отцы, братья, дети, но все они враги, и этот старик враг, из-за него погибнет больше наших парней, потому что немцы организуют оборону», – ответил я Евгению.

Молодые парни взяли Пьетра в свою компанию. Пройдя пешком больше полутора часов, разведчики встретились с подъезжающими с другой стороны гор машинами фашистов. Быстро сообщив нам об этом по рации, они скрытно заняли позиции на склоне этих гор или, точнее сказать, очень обрывистых холмов, поросших редкими деревьями и кустарником. Как там написано в песне Высоцкого:

«...А пока, взвод зарывался в облака и уходил по перевалу...

...А там стрелки из «Эдельвейс» – их надо сбросить с перевала!»

«Микулов, бери свой батальон и обойди этих сербских эсесовцев слева так, чтобы никто не ушел. Гавриленко, ты со своими обходишь их справа, а мы тут заляжем и подождем маленько. Бурят, развертывай своих снайперов. Бушин, включай аппаратуру, может быть, смо-

жем нарушить их радиопереговоры с городом. Ледков, ты бери под контроль организацию обороны (чуть не добавил шутку-присказку «а я посплю пока»)), – раздал я команды. Сам же наблюдал на отработанные действия бойцов со стороны, продумывая наши возможные тактические ходы, кого лучше вводить в бой первыми.

«Я проведу быстрее! – вызвался Пётр. – Слева я хорошо знаю тропы».

– Давай Петя.

Ледков принялся раздавать указания, где и кому занять оборону, куда выдвинуть дальние дозорные из разведгрупп с радиосвязью. Орлов и Олег Трофимов командовали полевыми радиостанциями, работающими одни на прием наших, другие на перехват вражеских переговоров. Бушин и комвзвода Печерицин попеременно включали приборы радиопеленгации и генераторы шума. Нас с сербами разделяла гряда холмов, а расстояние по прямой было примерно с километр. Как докладывали наши дозорные из авангарда, сербы, а это были именно они, судя по их наречию, заняли перевал, установив 57-мм пушки и минометы для обстрела долины. Вышел на связь Гавриленко, они уже расположились за соседним холмом и наблюдают за приготовлением сербов к бою. Численность заслона составляет примерно батальон в 700–800 человек, четыре пушки на прямой наводке вдоль выхода из ущелья, и 16 батальонных минометов для накрытия долины через гору. Пехота расположилась с двух сторон от выхода из ущелья и полвзвода в резерве, они же прикрывают оружейные расчеты. Связавшись с радистом Микулова, выяснили, что он также занял позиции напротив сербов, а рота капитана Александра Мохова ушла дальше, чтобы полностью окружить врага.

«Трофим, как слышно, сербы выдвинули разведку 20 человек, движутся вдоль склона в вашу сторону», – доложил дозорный радист Трофимову.

«Я их «сработаю», – сказал Бурят.

– Подпусти поближе и постарайся парочку оставить ранеными, разведка их заберет, поспрашиваем.

– Есть, командир, парни задачу поняли? Двоих оставить для беседы.

Вскоре из-за небольшой холмистой гряды разделяющую долину на две части появилась цепочка сербов.

«Вижу цели, – доложил Далиев, – мой третий, первых двух пропустить, они Бурята!»

Снайпера лежащие в выемках и за камнями на вершинах холма распределяли цели. Когда вражеская разведка подобралась на расстояние пятидесяти метров от залегших в долине разведчиков, Бурят дал команду на открытие огня. Раздались глухие хлопки и восемнадцать эсэсовцев практически разом повалились на землю. Хлопнуло еще пара выстрелов и двое идущих первыми тоже упали за камни. К ним, прячась за камнями, уже подбиралось четверо разведчиков.

Да уж, что еще можно добавить к увиденному? Снайпер – это точечное и невидимое, оттого страшное оружие возмездия. От его выстрела не спасает ни бронежилет, ни охрана, ни расстояние. Обоих сербов притащили к нам, медики перетянули жгутами им ноги выше ран, чтобы не умерли раньше времени.

Они решили запыраться.

«Разреши мне поговорить, командир!» – к сербу подошел Лосев. Он размял свои руки, затолкал сербу в рот тряпку-кляп, взял его руку и легким движением сломал ему шейку лучевой кости, разворачивая сломанными костями кожу. Как тот взвыл! А Лосев ломал ему уже локоть.

Второй заговорил. Он рассказывал, заикаясь, все, что знал, так что приходилось переспрашивать, чтобы понять его речь. А Лосев уже ломал плечевой сустав.

– Тима, Тимофей, майор Лосев, остановись!

Глаза Тимофея из жестко-холодного стали приобретать человеческое выражение. Посмотрев на выдернутое ребро фашиста, он свернул ему шеи, чтобы тот не мучился.

– Тимофей, ты что?

– Понимаешь, командир, как вспомню ту деревню в 41-м, да письма их домой, так, просто, зверею, как во сне действую: все понимаю, вижу, но желание появляется не просто убить, а изувечить гадов.

– Все нормально, Тима, это нормальная реакция на садистов, а этот однозначно много крови на руках имеет, матерый гад.

Второго сербского разведчика, допросив, убили ножом.

Сербь, не дождавшись известий от разведки, забеспокоились, и вожди полезли на вершину горы к своим наблюдателям и стали смотреть в бинокли на долину, пытаясь что-то увидеть за стоящим перед ними холмом. Правда, они видели более высокую нашу вершину, на которой лежали мы и рассматривали их. Отработали снайпера и десяток бойцов, в том числе трое с биноклями – точно командиры, попадали. Гавриленко нам доложил, что сербы забегали. От него было примерно 700, ну а где-то, 600 метров до батарей. То же самое доложил и Микулов.

– Товарищи, уничтожьте всех, начните с артиллерийских расчетов.

Огонь из 1600 стволов с двух сторон стал собирать свою жатву чужих жизней. Сербь отстреливались, прячась за укрытиями, но получали пули в спину от наших бойцов с другой горной гряды. Когда активное сопротивление было подавлено, бойцы стали спускаться вниз, чтобы завершить дело. Несколько десятков сербов, петляя, убегало, чтобы сесть в машины или сбежать своим ходом в направлении к горам. Вскоре и оттуда послышались выстрелы.

В итоге операции 600 вражеских солдат СС было уничтожено. Мы захватили двадцать грузовых автомобилей, пушки, минометы и снаряды. Теперь можно и повоевать на равнине. Восемь человек убитыми и десятка два раненых оказалось и у нас. Потери случились, когда парни пошли на конечную зачистку, попав под огонь залегших за укрытиями или раненых сербов.

– Товарищи командиры, потери незначительные, но при таком тотальном перевесе, когда 90 % вражеских солдат было уничтожено, они недопустимы. Прошу проанализировать ошибки, которые случились из-за потери красноармейцами бдительности, и на тренировках отработать аналогичную ситуацию и передвижение бойцов с подстраховкой.

– Так точно, товарищ комбриг.

Бойцов похоронили, раненых обрабатывали и зашивали врачи, уложив их на захваченный транспорт. Группа двигалась дальше, не встречая сопротивления. Движение мы остановили в «зеленых», то есть поросших лесом холмах, километров за десять от этого Крушеваца. Машины с пушками и штурмовиками Лосева двинулись в объезд городка. Микулов, как повелось, повел свой батальон налево в обход городка с задачей выйти на железнодорожную магистраль. Всем предписывалось начать наступление на станцию в ночь. Подрывать пути я запретил, потому что оттуда могут идти или ехать на захваченном паровозе наши немцы. Время шло к закату, бойцам нужен был отдых, все-таки отмахать тридцать пять километров не шутка. Народ это одобрил, ужинал и отдыхал, готовясь к ночным боям.

– Бурят, ты видишь, что там за фазенда стоит?

– Не понял, командир, что такое фазенда, дом вижу.

– Сам ты дом, еще бы юртой назвал. Это замок местного феодала, просто он небольшой. Ледков, возьми десятка два разведчиков и давай прогуляемся к нему. Смотри, сколько кустов малины вокруг. Чтобы вы знали, товарищи мои, Сербия – это настоящая "малиновая страна". Здесь выращивается треть всей малины мира.

Со мной пошли Женя Киричев, Ледков, Бурят и двадцать человек из разведбата. Подходили мы скрытно, стараясь не попадаться на глаза. Но все равно, кто-то заметил движение к замку, или раньше крестьяне предупредили о появлении чужой части. Когда я и командир роты разведки капитан Юра Ланков вышли на дорогу, ведущую к воротам, с белым носовым

платком, означающих белый флаг, раздался выстрел, и меня в грудь больно ударило, да так, что я попятился назад и уселся на пятую точку, быстро откатившись в сторону. Меня подхватил напарник, и мы вместе вломились в придорожные кусты малины. Бурят снял из винтовки стрелка в окне.

После такой встречи мы приступили к осаде замка по всем правилам современной войны, то есть, окружили замок, подтянули еще снайперов, а затем, под прикрытием деревьев, построек и снайперов, подорвали ворота и разом ломанулись через них во двор. Другие разведчики перескакивали через невысокий забор, сложенный из камня грубой обработки. Подобравшись к дому, просто закидали комнаты гранатами через окна. Затем в помещения полезли бойцы. Также расстреляли из пулемета дверь и под его прикрытием парни ворвались в коридоры трехэтажного «княжеского» замка, перестроенного в жилой дом.

На стенах были растянuty фашистские флаги с символикой, как Германии, так и Сербских войск СС. Бойцы выгнали из кухни первого этажа несколько спрятавшихся там теток и мужичков, причем один был явно не повар. Бой шел на третьем этаже. Я поднялся и заговорил через разбитую дверь с засевшими в зале бойцами противника.

– Выходи по одному, гарантирую расстрел, как офицеров армии, и похороны по православному обряду. Иначе, всех раненых и мертвых вздернем вместе с князем, как деревенщин, на ближайшем суку.

Сербы посовещались и к нам вышли четверо парней вместе с пожилым, но очень гордым горным князем с орлиным, то есть крючковатым носом. Чувствовалось, что этот человек привык повелевать, пусть и не королевством.

Из разговора мы выяснили, что они ожидают нашу армию, город на осадном положении, они ждут помощь из Белграда. Также они поняли, что отряд, высланный против нас, разбит. Он, представитель княжеского рода из какой-то очень младшей королевской ветки Обреновичей, династия которых в результате госпереворота в 1903 году была свергнута с престола. Он является главой города Крушевац и прибыл в свой замок забрать кое-какие документы. Все эти бойцы – это его родственники, служащие в городской охране или в сербских войсках СС.

Из замка во двор было вытащено 12 убитых молодчиков и шестеро живых вместе с главой рода. Он показал нам родовой склеп, сказал, кого туда надо положить, остальных похоронить на деревенском кладбище.

– Александр, будешь хоронить?

– Обещал же, просто могилы пусть копают местные, еще мы фашистов не хоронили.

Из деревенской церквушки привели местного служителя культа. Он исповедал приговоренных, после чего они были построены в шеренгу и наши бойцы их расстреляли.

Пока вся эта процедура происходила, другие разведчики осматривали замок. Я поднялся в кабинет князя Обреновича. В кабинете бойцы аккуратно доставали из стола и секретера документы. На полу стояла картина, за которой был спрятан встроенный в стену сейф. Его осматривал сержант Виталий Топехин. Бойцы забрали стопки документов и ушли вниз. Витя покрутился, посмотрел на меня и, достав из рюкзака стетоскоп, надел его, прислонил к сейфу и стал вращать замок. Совершив четыре поворота кодового замка, он нажал ручку, и дверца сейфа открылась.

– Витя, силен, с замками тоже можешь?

– Так точно, товарищ командир, могу. Я раньше на заводе работал, где замки делали к сейфам, и просто на продажу. Пришлось научиться с замками работать – проверяли замки на противодействие взлому, да и по вызову граждан вскрывал тем, кто ключи терял. Ну и так, баловался одно время.

– А инструмент есть?

– Почти нет ничего.

– Значит так, ставлю тебе, Витя, боевую задачу. Делаешь на бумаге эскизы инструмента, который применяется для этого дела. Когда будем в наших мастерских, то закажем десятка два наборов отмычек и нужных приспособлений из хорошей стали. Далее, меня и нескольких командиров обучаешь азам этого дела. Для этого наберем тебе замков, сам тоже собирай их, где попадутся, только не с двери нашего склада. Об умении своем помалкивай. Задача ясна?

– Так точно, командир.

– Какой тут шифр и, давай, этот сейф демонтируем и с собой заберем, хороший он с виду, швейцарский, наверное?

– Шифр 1941, а сейф угадали – швейцарский, но я таких не видел. У нас на заводе проще делали, хотя и по швейцарской технологии модели 1912 года.

Мы осмотрели его, вытащив красиво инкрустированный пистолет «Браунинг», денежных купюр, которых Витя насчитал 100 тысяч динар и десять тысяч рейхсмарок, и документы на этот замок. Пистолет забрал я, а деньги Витя понес в общую копилку.

Я же смотрел на сейф, и мне показалось, что его высота больше, чем видимое пространство. Убрав со дна красивую декоративную вышивку, я стал ощупывать дно и внутреннюю фасадную стенки. Нашупав какой-то рычажок, я отщелкнул его, и дно сейфа приподнялось. Из тайного отделения я извлек номер счета с паролем, чековую книжку на вклад в швейцарском «Zürcher Kantonalbank» на сумму порядка миллиона швейцарских франков и бархатный мешочек. Мешочек был полон бриллиантов весом до 0,2 каратов, в отдельном мешочке лежали 4 бриллианта по полсантиметра в диаметре, то есть на глазок примерно от 0,5 до 1 карата. Еще увидел пару красивых комплектов, куда входили по золотому кольцу с рубином и изумрудом, изящному колье с такими же камнями и серьги, да с десятков колец россыпью, причем, несколько были достаточно грубыми, но массивными, похоже, совсем старинной работы. Также, я увидел паспорт на гражданина Австрии Альфреда Блумера, на фото которого был расстрелянный нами сын этого князя. При небольшой гримировке я вполне смогу стать похожим на этого человека. Крышку дна я вернул назад, сунув в тайник тонкую книжку из секретера, а все остальное перекачало в мою гимнастерку и разгрузку. Это я решил приберечь для себя, не вводя в искушение товарищей. В общем, можно констатировать, что пограбил этот князь на своем веку весьма прибыльно.

Я стоял и изучал фолианты в секретере, когда вернулись разведчики с саперами. Они аккуратно выломали сейф и унесли его в кузов грузовика. В общем, он был небольшим, где-то 60х50 сантиметров, но жутко тяжелым.

На Землю пришла ночь. Вышел на связь радист из группы разведки, направленной к городку. Он докладывал, что вражеские усиленные патрули бодрствуют, однако сам городок затих, отходя ко сну. Все боевые группы выдвигались на исходные позиции. По сути, это было большое село или маленький городок тысяч на пять жителей. Городок был взят в кольцо, и началась тихая атака. Разведчики использовали пистолеты с глушителем и ножи, за ними шли штурмовики. Тысяча регулярных войск и человек триста городской милиции и вспомогательных подразделений не справились с тремя тысячами обученных диверсантов, да еще и прилично экипированных, что существенно уменьшило количество раненых и убитых бойцов. Артиллерию сербы не применяли, так как было непонятно, куда ее применять. Ночной бой был упорным. Местные устраивали опорные огневые точки в домах, которые наши бойцы или забрасывали гранатами, или выжигали огнеметами, после чего расстреливали выбегающих солдат. В городе полыхали пожары, но он не сдавался нам.

Упорные бои были и на территории железнодорожной станции, откуда наступал батальон Микулова. Сотня сербов драпанула на Сталач, пытаясь скрыться в темноте, но наткнулась на бойцов батальона Гавриленко и также была уничтожена.

– Командир, мы так весь город спалим.

– Да, нехорошо получается, что кроме фашистов, мирное население домов лишается, но нам поставили задачу захватить город и мы его захватим любой ценой для города.

К нам прибежало несколько женщин, что-то крича и плача.

«Говорите медленно и по одной», – зло сказал я.

– Горят дома и им негде жить.

– Пока в них прячутся боевики, которые убивают наших солдат, все будет уничтожено. Показывайте, где они, а мы поможем потушить ваши дома.

Несколько мальчишек побежали вперед, выводя нас на такие дома. Бойцы также закидывали их гранатами, дома разрушались, где-то загорались, но город очищался от врагов. Естественно, никто дома не тушил, не до них было. Разве что на очищенной от сербов территории инженерно-саперные подразделения перекрывали пути распространения огня водой и землей.

К утру все было закончено, не было даже отдельных перестрелок. Нами были захвачены местные городская управа и отделение банка. Ночью, когда наметился наш явный перевес, батальон Лосева был отправлен в городок Сталач, расположенный километрах в двадцати севернее, чтобы на плечах сбежавших фашистов захватить и тот городок.

Батальон шел вдоль железнодорожного полотна, и, пройдя километров семь, вышел на широкую дорогу, за которой шумела река. Начало рассветать и небо из черного постепенно окрашивалось в серые цвета.

Лосев сверился с картой: «Так-с, эта речка должна называться Западная Морава, а еще километра через три будет нужная нам станция. Вот елки, кто-то едет, все в укрытие!»

Показалась колонна грузовиков, едущая откуда-то со стороны Хорватии в сторону Сталача. Батальон залег с обеих сторон дороги. На грузовиках ехали эсэсовцы, но на руках бойцов, сидящих в кузове, виднелись белые повязки.

«Эге-гей, фрицы, стой!» – с криками на дорогу вышел Лосев, размахивая рукой.

Его узнали, посигналив проехавшим вперед машинам, и колонна стала останавливаться.

«Сам ты фриц эге-гей!» – здороваясь с Тимофеев, засмеялся подошедший Карл Май.

Командиры обоих подразделений, вкратце рассказав о своих подвигах, обсудили дальнейший план действий. Лосев сказал о тяжелом захвате Крушеваца, а Май рассказал, что их батальон вышел немного западнее намеченной точки выхода, в районе крупного села Трстеник, где надеялись раздобыть провиант и транспорт, ну, еще и потому, что туда дорога лучше была. Там они навели кибиш, взбодлив местного старосту и интендантскую часть, реквизируя 20 грузовиков с боеприпасами. На них они и убыли «на фронт», как сообщили начальнику сербского тылового батальона, выдав расписку. Командиры определились, что немцы занимают Сталач, а Лосев блокирует город с севера с белградского направления, обойдя его по большой дуге.

Город был взят, как говорится «без шума и пыли». Наши немцы арестовали руководство железнодорожной станции, немецкую роту охраны, командиров укрепрайона, оборудованного со стороны Ниша. Бойцы Мая занимали командные пункты, ДОТы и окопы, как бы окружая сербские подразделения. Под стволами автоматов, направленных им в спины, сербы складывали оружие. Были отдельные попытки противодействия, но, во-первых, было непонятно, почему эсэсовцы так себя ведут, а потом разбираться было поздно, а во-вторых, против нескольких сотен направленных на тебя стволов автоматов и ручных пулеметов не очень-то и повыступаешь.

После занятия города и состоявшегося радиоконтакта в город с севера вошел батальон Лосева. Связавшись с Орловым, Лосев доложил, что станция Сталач взята практически бескровно.

Глава 5. Навстречу друг другу

Дальше пошла работа по обустройству оборонительных позиций уже нашими частями. Пленные были припряжены к работам по копанию траншей со стороны Белграда. Вокруг захваченных городов были организованы посты дальней разведки, заминированы в трех местах железнодорожные пути в направлении на города Ниш, Белград и Приштину, возле которых с взрывными машинками оставались боевые группы в составе минера и пяти человек охраны из автоматчиков. Выбранные из десантного батальона бойцы образовывали оружейные и минометные расчеты, которые под командой профессиональных артиллеристов тренировались в наведении, зарядании и остальных действиях по управлению пушками, готовясь стрелять на прямую наводку.

В Крушеваце мне не дали забыть и о мирном населении присланной городской властью делегации. В итоге, на следующий день в каждом освобожденном городке был выбран староста и комитет самоуправления, выяснены цены на продукты, которые я запретил повышать под страхом конфискации имущества и расстрела продавца. Эти комитеты по жалобам жителей, пострадавших при освобождении населенных пунктов, оценивали ущерб каждой семьи и предоставляли мне списки пострадавших и объёмы необходимой помощи. Также было организована выдача продуктов особо нуждающимся с городских складов.

Люди работали в полях, собирая урожай, а один батальон был брошен на восстановление и возведение новых домов, которые полностью сгорели при пожаре. Также я распорядился выдавать денежную помощь, согласно предоставленных старостами списков пострадавших, выплачиваемую из захваченной «казны» городков и князя. Пётр получил обещанные 2000 динар, которые он вернул назад на восстановление города. Пётр или Петя стал у нас главным связным и переводчиком в одном лице с местным населением, работая со старостами и уточняя их чаяния. За время работы он сдружился с одной семьей из Крушеваца, где были девушки на выданье. В их присутствии я подтвердил, что Петя является очень состоятельным бойцом, при средней зарплате в городе в 200 динар, у него в закромах числилось целых 2000, а значит, был перспективным женихом.

Городок Сталач практически не пострадал, поэтому там все было проще. Комендантом туда был направлен Конышев. В обоих городках мы покупали продукты на нужды бригады, жителей не обижали, бойцы девок не портили без взаимного согласия.

Как докладывал мне Петя, жители хотели бы видеть меня комендантом их города, понравилась им отношение русских к обычным горожанам и селянам. Были даже романы с нашими бойцами, из-за которых мне приходилось вести разъяснительные беседы с родителями барышень.

Все это налаживалось в течение недели, пока мы обустроивали позиции, ожидая реакцию немцев.

А сегодня уже наступило первое октября 1944 года. В бригаду доложили по рации, что со стороны Хорватии, движется воинский эшелон с пехотой. Эшелон с теплушками и несколькими вагонами на станции Крушевац был загнан сербскими железнодорожниками на запасной путь.

Выскочивший из вагона офицер, бросился к начальнику станции выяснять, в чем дело. Залетев в помещение начальника, он увидел направленные на него пистолеты четырех красноармейцев.

«Вот же влип, станция захвачена русскими, что же делать?» – думал капитан полка хорватских усташей.

– Капитан, не делайте глупостей, отдайте по-хорошему свое оружие, после чего вы пойдете назад, переговорите со своим командованием и сдадитесь всем эшелоном. В случае любой

провокации с вашей стороны, выстрелов или иных поступков, все ваши солдаты будут расстреляны в вагонах, пленных брать не будем. Товарищ начальник станции, переведите ему то, что я сказал.

– Я хорошо понимаю вас, господин полковник, мы с сербами говорим на одном сербохорватском языке.

– В таком случае, капитан, не смею вас задерживать, посмотрите на пулеметы вокруг станции и будьте благоразумны, хотя мне проще перестрелять вас, чем охранять и кормить.

Капитан ушел, сдав оружие, а я подумал, что в моем времени языки разделились, и понять сербу и хорвату друг друга стало не так-то легко – «политик», однако.

Хорваты сдавались. Вначале из вагонов вышли офицеры. Их встречали Ледков и несколько штурмовиков с автоматами. Потом стал выходить рядовой состав и складывать оружие у вагонов.

Полковник хорват подошел к Ледкову и представился: «Предраг Ковачевич, командир 32-го пехотно-гренадерского полка армии независимой Хорватии, движемся в город Белград. Что с нами будет?»

– Командир диверсионного дивизиона майор Ледков. Я бы вас расстрелял прямо в вагонах, но наш командир сказал, что если они не дадут повода, то пусть живут в плену до передачи вас народно-освободительной армии Югославии. Пройдемте к гвардии полковнику Кольцову, он все вам объяснит.

Я побеседовал с Ковачевичем, объяснив, что мне нет дела до того, что они офицеры, пленные, они и есть пленные: «Жить будете в теплушках с солдатами, а в пассажирских вагонах будут обитать мои бойцы. Работать будете на обустройстве города под присмотром наших штурмовиков. В общем, мы будем более цивилизованно относиться к вам, чем вы относитесь к пленным сербам, но за неповиновение – расстрел на месте».

Единственно, чего хорваты много везли в поезде – было продовольствие, которое пошло в рацион наших бойцов. Дважды в день кормили и хорватов, без разносолов, но вполне сносно, а не помоями после наших котелков, как это делалось в их концлагерях. Вагоны расцепили, отогнав их на другой конец ветки. Хорватов разбили по командам и развели на разборку домов и уборку полей под охраной наших солдат. О пленении хорватского эшелона мы проинформировали Конышева и Мая. В этот же день к вечеру в сторону Ниша проследовал сербский эшелон с полковыми пушками и снарядами к ним. Он был также остановлен в Сталаче немецкими солдатами. Охрана и начальство разоружены и вся эта пленная сербская банда, включая батальон артиллеристов, была отправлена в Крушевац, потому, что в Сталаче они мешали.

Из Белграда периодически выходили на связь со станциями, отслеживая проход эшелонов. Начальник станции исправно информировал Белград о проходящих составах, доложив, что оборона станции усилена немецким батальоном СС, вышедшим с боями из Румынии. Карл Май также выслушивал указания из штаба командующего немецкой группировкой «Сербия» о необходимости быть готовым к выступлению на восток, выражая полную готовность подчиниться этому приказу.

А вот на следующий день добыча была интереснее. Маю было сообщено, что он поступает в распоряжение прибывающего с тяжелым эшелонном оберштурмбаннфюрера Хельмута Шальке.

– Роман, что есть тяжелый эшелон?

– Хрен его знает, может с тяжелыми орудиями или бронепоезд какой-нибудь?

– Конечно же, Роман, это может быть бронепоезд!

С утра в Сталаче снова был задержан эшелон с продовольствием и частично разгруженный, был переправлен в Крушевац, а вот после обеда разведчики, сидящие вдоль путей, сообщили о невиданном чуде Сербии – раскрашенном в защитные цвета бронепоезде. Май отдал приказ разведчикам пропустить его на станцию и в форме офицера СС с погонями оберштурм-

баннфюрера стоял на станции «при параде» во главе выстроенной роты солдат СС, встречая прибывающий бронепоезд. Вокруг станции были переодетые в сербскую форму, но с белыми повязками, красноармейцы с пулеметами. Далее по маршруту следования поезда на железнодорожные пути были наведены две пушки для уничтожения паровоза, минеры были готовы пустить его под откос, если он прорвется, подорвав рельсы с обоих выездов со станции.

Сборный оркестр из каких-то свирелей и барабанов заиграл нечто похожее на немецкий военный марш, в общем, местный колорит рулил.

Бронепоезд остановился и на платформу спустился его командир, тоже оберштурмбаннфюрер СС. Обменявшись приветствиями, прибывший фюрер заявил, что батальон дивизии «Мертвая голова» под командованием Карла Мая поступает в его распоряжение и должен будет загрузиться в бронепоезд в качестве десанта.

«Так точно, герр оберштурмбаннфюрер, а сейчас приглашаю вас и доблестный экипаж бронепоезда на шашлыки, блюдо, которое я узнал, будучи на Восточном фронте, – ответил Май, – и, вообще, дело уже к вечеру, а тут шалют югославские партизаны, поэтому обязательно надо будет проверять пути на предмет минирования».

– Вы правы, Май, самое время поужинать.

Вокруг бронепоезда были выставлены посты из солдат Карла Мая. В самом бронепоезде оставались дежурные расчеты из команды бронепоезда.

Человек сто вылезло из вагонов этого стального монстра, и двинулись за Маем. На поляне были накрыты столы с закусками из помидор и других овощей и фруктов. Также стояли бутылки с вином, а дальше на самодельных мангалах жарились шашлыки. Аромат жареного мяса разносился на всю округу.

«Как же вскрыть эту консервную банку, чтобы дежурные не подняли тревогу?» – совещались немцы.

«Да чего ее вскрывать, притащите им шашлыков и вина – солдаты вам сами откроют двери», – подсказал переодетый в серба Кобышев.

Все прошло, как и задумывалось. Солдаты открывали двери, туда поднимались парни в форме рядовых эсэсовцев, затаскивая закуску и вино прямо в вагон, попутно расспрашивая о бронепоезде и боевых подвигах, то есть отвлекали внимание обычным разговором. А дальше два-три дежуривших в вагоне фашиста просто уничтожались из пистолетов с глушителем. Боевые группы поднимались в уже захваченные вагоны и двигались по бронепоезду, зачищая его. А на поляне шло свое веселье. Немцы вкусно кушали, к сожалению, в последний раз в своей жизни. К Маю подошел помощник, доложивший о полной готовности сюрприза.

Солдаты Мая присутствовали у столов в единичном количестве, в основном, стоя на раздаче шашлыка. На «готовке» стояли, якобы, сербы, то есть наши парни, переодетые в гражданских сербов. Вообще, все настоящие сербы были удалены со станции, дабы избежать непредсказуемых действий каких-нибудь фанатиков.

«Вкусно как, ша-шш-лик, – причмокивая от удовольствия от горячего сочного шашлыка, проговорил Шальке, – а что за сюрприз вы приготовили еще, Май?»

«Айн момент, герр Шальке, пойду и распоряжусь», – ответил Май, уходя с поляны.

Поляну с немцами окружили русские штурмовики с пулеметами и расстреляли ничего не подозревающих эсэсовцев из дивизии «Адольф Гитлер». Так закончился боевой путь оберштурмбаннфюрера Шальке и команды его бронепоезда.

А бронепоезд был укомплектован бойцами из батальона Мая и после нескольких тренировок экипаж был готов к боевым действиям. Машинистом с помощником были взяты местные сербы. Начальник станции утром доложил новую порцию дезинформации в Белград о проследовании бронепоезда к городу Ниш вместе с принятым батальоном десанта.

Рота под командованием Хмельникова за двое суток, обходя редкие поселки, вышла на железнодорожную ветку Скопье-Приштина-Ниш возле местного районного центра Куршум-

лия. Минируя рельсы с обеих сторон от поселка минами с подрывом от взрывных машинок, бойцы засняли на фотоаппарат крушение двух составов. Один из них шел из Приштины с войсками. Выбегающие из вагонов выжившие немцы подвергались прицельному огню сотни бойцов. Второй состав был подорван, двигаясь со стороны Ниша, но оказался пустым. Отойдя в горы на отдых, выставленными комвзводом «секретами» по рации была передана информация о том, что в их сторону движется отряд численностью в пару сотен человек, судя по внешнему виду, каких-то партизан, только было не разобрать – это бойцы Тито или четники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.